

ПО МОТИВАМ ДЕТЕКТИВНОГО СЕРИАЛА
«АЛИБИ»

в главных ролях Евгений СТЫЧКИН и Ольга СУТУЛОВА

Павел Рубцов
Алиби. Искусство обмана
Серия «Алиби. Популярный
детективный сериал»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67090620

Алиби. Искусство обмана: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-164315-7

Аннотация

Преуспевающий сценарист Петр Решетников был хорошо известен в мире российской киноиндустрии. Но там проявлялась лишь одна грань его таланта. Только узкий круг посвященных знал, что Решетников владеет агентством, которое придумывает и создает алиби неверным супругам, проворовавшимся дельцам и проштрафившимся политикам. Он привык к роли манипулятора и, без преувеличения, властителя судеб. И не предполагал, что однажды сам станет марионеткой в безжалостных руках настоящего страшных людей. А началось все с момента, когда в агентство за алиби пришла его собственная любимая жена.

Литературный ремейк мелодраматического сериала Первого канала «Алиби». Сюжет порадует любителей авантюрных историй. В сериале в главных ролях играют Евгений Стычкин («Гоголь. Начало», «Максимальный удар», «Троцкий»), Ольга

Сутулова («Снег и пепел», «Ленинград», «Рожденная звездой»),
Варвара Бородина («Молодежка»).

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	39
Глава 3	77
Глава 4	97
Глава 5	117
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Павел Рубцов

Алиби. Искусство обмана

© ООО «Среда и Ко», 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

За завтраком жена удивила Решетникова странным вопросом:

– Ты брал мой тональник? Все утро искала.

Петр посмотрел на Ольгу с недоумением.

– Нет, – ответил он, – что мне тоналить?

– Просто клади на место. – Ольга была слегка раздражена.

– Хорошо, – миролюбиво ответил Решетников и спросил, показав подбородком на третью тарелку: – А где наш шкет?

Они завтракали в своей просторной, светлой, хорошо обставленной кухне-гостиной. Петр Решетников – маститый сценарист и его жена Ольга – режиссер документальных фильмов. Судя по яркому солнцу, бьющему в окно, день обещал быть ясным и теплым. Петр невольно залюбовался солнечными бликами, игравшими в каштановых волосах Ольги, ее выразительные карие глаза смотрели сегодня по-особенному глубоко и завораживающе. Но то, как она поджимала губы, не сулило ничего оптимистического. За долгие годы брака Петр научился моментально подмечать все нюансы настроения супруги. Этим утром она была явно чем-то озабочена. Впрочем, в последнее время с ней это случалось все чаще. Он ловил себя на мысли, что жена становится все отчужденней и от этого все более привлекательной – как все загадочное.

Красивая и стройная, Ольга обладала особым изысканным шармом, некоей породистостью, всегда выделявшей ее даже из самых ярких женщин, в которых в их среде не было недостатка. Петр даже по прошествии стольких лет совместной жизни не без тайного удовольствия подмечал интерес, который неизменно вызывала его жена.

Сам Решетников тоже всегда пользовался успехом у прекрасного пола. Невысокий, но крепкого телосложения, с живыми голубыми глазами, в которых играли лукавые искорки, выдававшие неумную энергию и живой ум, он умел покорить своим обаянием и молоденькую девушку, и женщину с опытом. Однако Петр всегда оставался верен жене, с которой, как он был убежден, ему крупно повезло.

Он обратил внимание, что Ольга снова пьет кофе из его любимой чашки, которую они называли «японец». Когда-то их было две, но Ольга свою разбила и все чаще стала пользоваться чашкой мужа.

Хотя Решетников и понимал, что сегодня жена не в самом лучшем расположении духа, он все же не удержался от насмешливого замечания:

– Опять, значит, пьешь из моего японца.

Ольга досадливо нахмурилась и промолчала. Петр с деланным вздохом взял обычную чашку, налил себе кофе и с аппетитом принялся за бутерброды, не став дожидаться, когда на кухню придет завтракать их шестнадцатилетний сын Саша.

Ольга сказала, подливая себе кофе:

– В уборной застрял. Сходи и позови его. Ты же отец. Давай, поговори с ним, скажи, что мы одна семья, завтракаем вместе. Слабо?

– Легко, – ответил Решетников и вышел из кухни.

Деликатно приоткрыв дверь в ванную, он увидел, как Саша что-то ищет в шкафчиках. Для своих шестнадцати сын выглядел довольно взрослым, он уже сейчас был чуть выше отца и, судя по всему, собирался расти дальше. Лицом Саша походил на мать, а от отца ему достались природное обаяние и широкие плечи. Решетников догадывался, что с такими данными Саша всегда будет пользоваться успехом у женского пола.

– Ты чего так долго? – Решетников осекся, когда увидел, что под глазом у сына красуется приличный синяк. – Ты хоть первым бил?

– Да, все по науке, – ответил Саша.

– По науке второй удар уже по крышке гроба.

Ничего не ответив, Саша прошел на кухню вслед за отцом.

– Вот кто брал твой тональник и снова потерял.

Ольга застыла, разглядывая лицо сына.

– Откуда прелесть? – спросила она.

– Мячом попали.

– Оль, помоги ему чем-нибудь замазать.

– Пусть носит, – возразила Ольга. – Мужчину синяки украшают.

– Эх, Оля, – вздохнул Решетников, – не били тебя.

– Завтракать не буду, – объявил Саша, – у меня контрольная.

– Со вторым сегодня не придешь? – спросила Ольга, пытаясь скрыть озабоченность под насмешливой улыбкой.

– Обещать не буду.

Решетников понял, что дело серьезнее, чем могло показаться на первый взгляд. Он спросил:

– Может, мне зайти, разобраться?

– Ну зайти надо, – ответил Саша.

Решетников напрягся:

– Зачем, из-за синяка?

– Тебя к директору вызывают. В одиннадцать сегодня сможешь?

– А что произошло? Ну побили тебя или еще что-то случилось?

– Да ничего, просто поговорит с тобой, чтобы я вел себя лучше, был спокойней. Школа типа примерная, вот и вызывают.

– А почему ты только сейчас об этом говоришь? – нахмурившись, спросила Ольга.

– А чтобы не было вот этого. – Саша кивнул на непривычно суровые лица родителей. – Сходи, поговори, все будет нормально. Я пошел.

Через пару секунд родители услышали, как захлопнулась входная дверь.

– Ты в школу-то приедешь в одиннадцать? Дело серьез-

ное, – после минутного молчания спросила Ольга.

– Я думал тебя делегировать, у меня тут встреча сейчас, какой-то интереснейший проект хотят предложить.

– Я же тебе говорила, что еду сегодня в Выборг, интервью брать. Неделю назад говорила.

– У тебя сын с фингалом пришел, а ты... Ой, не спасешься ты, Оля, не спасешься.

– Ты в своем уме, Решетников? – возмутилась Ольга. – Почему твоя работа – это работа, а я так...

– Я пошутил. Конечно, я приду в школу и во всем разберусь со свойственной мне рассудительностью и мудростью. Будешь мной гордиться.

Поцеловав жену, Решетников вышел из дома.

* * *

Петр Решетников не без оснований считал себя одним из самых востребованных сценаристов и поэтому мог себе позволить диктовать заказчикам собственные условия. У него была назначена встреча с продюсером одного из ведущих телеканалов Романом Викторовичем Ждановым. Они договаривались встретиться на съемочной площадке, где снималась исторически-патриотическая драма.

– Ты подумал? – протягивая руку, спросил Жданов.

– Заманчиво, конечно, – произнес Решетников, с улыбкой качая головой, – но нет. «Преступление и наказание» писать

не буду. Хочу, но не могу.

– Почему?

– Потому что Достоевского невозможно экранизировать.

– Не ожидал такой категоричности от одного из самых успешных сценаристов.

– Знаете, что я бы сделал? – Решетников задумался. – Перенес бы все в современность и написал совершенно новый текст. Только фамилии и характеры оставил. Вот так я бы и мог согласиться.

– Это заказ канала, – недовольно сдвинул брови Жданов. Разговор прервал звонок телефона. Звонили Решетникову.

– Экранизацию писать не буду, – решительно заявил он напоследок, – а если вдруг будет что-то интересное – всегда готов.

* * *

– Слушаю, – произнес Решетников, направляясь к выходу со съемочной площадки.

– Умоляю, спасите меня, – раздался звенящий от страха женский голос. – Он меня убьет!

– Вы кто?

– Я... мне ваш номер дала моя подруга, вы ее уже выручали, только вы сможете помочь.

– Слушайте, меня в школу вызвали, прямо к директору,

давайте через час или два, а?

– Нет, нет, пожалуйста, умоляю. Муж меня убьет, обещаю, он уже звонил, что едет, это... помогите.

– Только коротко, что случилось? – Решетникова пробрала досада: опять придется нарушить обещание, данное Ольге. Голос женщины показался знакомым, но он не мог вспомнить, где он его слышал.

– Помогите мне, пожалуйста, – тараторила собеседница. – Этот урод выложил видео в интернет, муж уже посмотрел, он едет из аэропорта, он даже не будет говорить, он просто убьет и будет прав... помогите.

– Вы хоть представьтесь!

– Я Марина Шульгина, – донеслось сквозь всхлипы.

Теперь он вспомнил, что голос принадлежит звезде последнего эшелона, популярной певице, не замеченной до этого дня ни в каких крупных скандалах. Это становилось интересным.

– Я понял, подождите минуту. – Решетников подошел к машине и достал второй мобильник.

– Оль, пожалуйста, заскочи в школу, у меня никак не получается.

– Что?! Решетников, это уже никуда не лезет. Сколько можно свою работу ставить выше моей...

– Тут один упырь собаку сбил и смылся, я ее сейчас везу к ветеринару, сама понимаешь, не успею. Позвоночник перебит вроде бы.

Решетников старался не переборщить с озабоченностью в голосе. Ольга поверила:

– Ладно, ладно, конечно. Заеду. Ты там аккуратней, у тебя же аллергия на собак.

– А что делать, не бросать же ее. Спасибо, родная.

Теперь можно было вернуться к рыдающей женщине.

Он устроился с планшетом в машине, набрал Марину и попросил ее рассказать обо всем по порядку. Та, видимо, немного успокоившись за эти несколько минут, начала говорить более связно.

Решетников, успевший набрать в поисковике «Марина Шульгина», беззвучно усмехнулся, увидев выплывающие ссылки на видео с названием «работает ртом».

– У меня был тур в Воронеже, – рассказывала Шульгина. – Перед концертом я вызвала массажиста, хотелось расслабиться, спина болела, три концерта в день. Он пришел, начал делать массаж, по всей видимости, нажал на какие-то точки, я уже себя не контролировала... Потом этот идиот позвонил и начал шантажировать меня, хотел денег – или запись попадет в интернет. Я послала его в жопу.

– А он сдержал слово, – закончил за Марину Решетников. – Хоть кто-то слово держит.

– Помогите мне. Умоляю, – в голосе певицы снова послышались истерические нотки. – Что вы молчите?

– Я думаю, – ответил он, просматривая видео.

– Мне нужно алиби... я люблю мужа. Помогите!

– Это будет дорого.

– Деньги не проблема.

– Сколько у нас времени?

– Он уже едет, минут через пятьдесят будет дома, может, час.

В голове у Решетникова начал возникать план действий.

– Отвечать быстро, четко. Слушать все мои команды, не переспрашивать.

– Хорошо.

– Номер машины мужа?

Закончив разговор, Решетников набрал другой номер.

– Даша, заряжай всех, работаем в темпе, – деловым тоном произнес он в трубку.

Откинувшись на спинку водительского сиденья, Петр гла-
боко задумался. Его зрачки сузились, выдавая напряжение,
взгляд цепко скользил по окрестностям, пытаясь ухватить
нечто, из чего родится идея. Привычное ощущение азартно-
го вдохновения перемежалось с нетерпеливым раздражени-
ем. И тут он увидел двух девочек-близняшек, которые в со-
провождении молодой мамы стояли у светофора. Вот оно!

* * *

О том, что Петр Решетников – востребованный и успеш-
ный сценарист, знали все. Но была у него и другая, скры-
тая от всех, в том числе и от семьи, тайная ипостась. Уже

несколько лет он был владельцем агентства «Алиби». Оказывались в нем весьма специфические услуги. Как явствовало из названия, Решетников и его команда создавали клиентам алиби. Они без преувеличения были спасением для неверных супругов, провинившихся менеджеров и всех, кому необходимо было прикрыть свои темные делишки надежным и добротным покровом. Решетников, имея доступ ко всем киношным ресурсам, создал целый штат сотрудников. В его распоряжении были гримваген с гримерами, монтажеры, айтишники, медики и много специалистов в самых разных областях. К тому же на этом поприще Решетников мог проявить свой креатив в полной мере, без купюр, которые были неизбежны при создании телевизионных сценариев. Ведь, в сущности, он сочинял мини-сценарии, продумывал детали, диалоги, распределял роли... В общем, был не только сценаристом, но и режиссером.

Идея возникла довольно давно, еще в начале его семейной жизни. О предшествовавших ей трагических событиях Решетников старался не вспоминать.

* * *

Алиби Марине Шульгиной организовали быстро и слаженно. Чтобы выиграть необходимое время, ее мужа – бизнесмена Дениса Маркова – остановил фальшивый инспектор ГИБДД. Пока подставной сержант отвлекал жаждущего

мести мужа, были сделаны все необходимые приготовления: расставлены камеры, задействованы актеры, гримеры и другой персонал.

Оставалось настроить Шульгину психологически. Решетников по опыту знал, что без этого вся операция может провалиться в тартарары.

– Как настроение? – Он говорил с Мариной по телефону, наблюдая за ней через скрытую камеру.

Глядя на Марину, эффектную молодую женщину в тщательно подобранной одежде, свеженакрашенную и причесанную, нельзя было представить, что еще пару часов назад она буквально на стенку лезла от стыда и страха.

– Вообще неплохо получилось, но волнуюсь.

– Вы должны быть спокойны, я рядом с вами. И главное: вы хозяйка положения.

– Я?

– Вы верная любящая жена, а ваш муж посмел о вас плохо подумать.

– Вы придумали, как меня спасти?

– Стопроцентное алиби. Никто на вас плохо не подумает, ни муж, никто.

– Вы не шутите? – недоверчиво подняла брови Марина.

– Теперь слушать и запоминать, не переспрашивать. И строго по тексту, никаких импровизаций. У нас осталось минут двадцать.

– Я готова.

Пока Марина приводила себя в порядок, а ее супруг общался на трассе с полицейским, Решетников выбрал подходящую, на его взгляд, девушку среди моделей и отправил ее к гримерам.

Сцену возвращения разгневанного супруга Петр не только внимательно наблюдал, но и режиссировал, подавая Марине короткие четкие команды через наушник:

– Итак, начали. Сначала взгляд. Только праведный гнев. Несколько бодрых шагов.

Увидев, как жена решительно направляется к нему, Марков несколько опешил. А когда она подошла к нему и отвесила звонкую пощечину, он и вовсе впал в легкий шок.

– Денис, ну ты урод, как ты мог в это поверить?!

– Теперь отходите в другую комнату, ничего не объясняйте, – скомандовал Решетников.

Шульгина вышла в столовую и налила в бокал воду из графина. За ней в комнату вошел несколько растерянный Марков.

– Марина, ты можешь толком объяснить, что происходит?! Это не мое видео сейчас смотрят миллионы мужиков в интернете, как...

Решетников быстро проговорил:

– Иметь вид оскорбленный.

– За кого я вышла замуж... Урод. – Сделав мелкий глоток, Марина продолжала: – Сука. Кобель. По себе меришь всегда. Сам от шлюх не вылазишь и на меня начал думать?

Благородно, ничего не скажешь.

Шульгина выплеснула воду в лицо Маркова.

– Марин, ну ты чего... ты видео сама-то смотрела?

– Пришлось.

– И что я мог подумать? – Марков выглядел все более обескураженным. – Это же ты.

Поднеся смартфон к лицу жены, он продолжал:

– Объясни, кто там и чем занимается.

– Это не я, – заявила Марина, не глядя на смартфон.

– А кто? Кто? И родинка твоя на полщеки!

Марина, не отвечая, воззрилась на Маркова с легким разочарованием.

– Что ты смотришь на меня так, как будто это я там на коленях стою?! – снова начал закипать супруг. – Марина?!

Отвечай!

Его прервал на полуслове звонок в дверь.

– Иди, открой, – велела Марина.

Открыв дверь, Марков увидел девушку, невероятно похожую на его жену, с такой же родинкой на щеке, разве что гостя выглядела немного моложе Марины. Марков даже рот приоткрыл от удивления. Засмотревшись на девушку, Денис не замечал, что у его жены на лице написано не меньшее изумление.

– Только вы сами не удивляйтесь. – Решетников вывел Марину из ступора. – С легким пренебрежением объясняйте.

– Это мой... двойник, – повторила Шульгина вслед за ним и продолжала: – Что стоишь, проходи, будем знакомиться.

Девушка-двойник прошла в квартиру и сказала, обращаясь к Маркову:

– Простите, я обычно Марину Анатольевну подменяю, но тут вот не удержалась, простите.

– А... так это она там? – выдохнул тот.

– Ну наконец-то. А ты думал, мне по Воронежам приятно шататься? Катя, ну что ты за дура такая.

– Марина Анатольевна, простите. Но он какие-то точки там нажал, я уверена.

Марков расплылся в улыбке, почувствовав громадное облегчение:

– А как похожа, Марин, я бы и сам обознался. Только мо-
ложе немного. Ну в смысле, сейчас ты лучше, набрала... это-
го, мужества, ну идет тебе сейчас лучше.

– Хватит нести чушь. Пройди, Кать, надо будет еще
пресс-конференцию давать.

«Теперь можно и пару бокалов вина выпить», – подумала
Марина и с победоносным видом направилась в гостиную...

– Еще один брак спасен, – объявил Решетников.

Он отключил аппаратуру и расслабился в кресле. «Еще
и популярности добавится у певички, – подумалось ему, –
черный пиар еще никто не отменял».

Едва отвлекшись от Шульгиной, Петр вспомнил о том, что
его жена вместо него должна была пойти на ковер к дирек-

тору Сашиной школы...

Словно угадав его мысли, позвонила жена.

– Да, как прошло? – спросил Решетников, услышав шум двигателя. Видимо, Ольга уже сидела в своей машине.

– Петя, это караул, тебе надо было ехать. Тебе!

– Что такое?

– Сашка избил одноклассника. Из-за чего, неясно, оба молчат. Но у того сотрясение мозга, может даже быть отслоение сетчатки. Так еще отец такой, кричал: «око за око», предлагал Саше сотрясение устроить. Нельзя было меня туда отправлять. Меня всю трясет.

– Тебе сообщение.

– Что?

– Посмотри сообщение.

Решетников представил, как Ольга открывает фотографию собаки, которая лежит в ветеринарной клинике.

– Ой, малыш. Как он? – голос Ольги смягчился.

– Будет жить, лаять и бегать, все как у людей.

– Петь, ну ты должен что-то сделать, мы так ни к чему и не пришли, я просто поругалась с ним, и все.

– Решу. Ты все, поехала?

– Да. Опаздываю, к ночи вернусь, тут только пробки собрались. Ну...

– Ладно, ладно. Езжай.

Решетников отключился и тут же услышал голос Даши:

– Там клиент нервный, а вы тут.

– Даша, найди-ка мне номер некоего Бондаря, отца одноклассника моего сына. Не слишком сложно?

Решетников снова вошел в переговорную.

Это была просторная, но довольно безликая комната, без окон, но с огромным стеклом в полстены, которое разделяло комнату пополам. Перед стеклом – стол, на нем микрофон, ноутбук и различные мониторы. Через стекло можно было увидеть вторую часть комнаты – куда провожали посетителей. Та половина была гораздо уютнее, в ней стоял кожаный диван, на столике – цветы в изящной вазе. Решетников сел за свой стол перед микрофоном и стал рассматривать посетителя, Сергея Маклакова – представительного мужчину лет сорока. Решетников нажал кнопку микрофона и произнес:

– Здравствуйте.

Мужчина слегка дернулся от неожиданности и поздоровался в ответ, не видя собеседника.

– Пожалуйста, расскажите суть вашего вопроса.

– Эта сука хочет алиментов.

При этих словах Маклакова начало немного трясти. Решетников молча ждал пояснения.

– Сейчас, сейчас поясню. Трясти начинает. Все. Готов. Значит, я был женат на одной стерве. Она якобы родила мне сына. Но это не мой парнишка. Я уверен на сто процентов. Он рыжий, что твой апельсин. Она мне лепила что-то про рецессивные гены, что у нее прапрадед рыжим был... в муках, тварь, рожать отказалась, эпидуралку ей подавай, хотела

кесарить, ей про шрам рассказали, тогда уже решилась.

– Я правильно понял, что вы развелись?

– Я ей с этим парнишкой оставил дом. Две тачки. Там еще по мелочи всего, лишь бы отвалила.

Маклаков помолчал, явно занервничав от одного упоминания его бывшей жены.

– Как меня угораздило с ней связаться только... Короче, я ее упаковал, до свидания, думал, миром разошлись. Ага, сейчас. Она-то думала, что красавица такая... Думала, очередь выстроится, чтобы с ней и в горе и радости. А нет, дебилов не оказалось, еще этот парнишка рыжий, откуда? Ладно, дети не виноваты... Машину уже одну продала – бабки-то надо. Короче, заявляется два дня назад ко мне в офис. И требует алиментов. Много. Дала неделю подумать, потом в суд будет подавать.

Маклаков снова немного помолчал.

– Я сразу думал ее просто грохнуть. Было, не скрою. Но... Короче, что делать? Есть варианты? Эта тварь не отвяжется, доведет до греха. Если бы не парень...

План в уме у Решетникова сложился, еще когда слушал излияния Маклакова.

– Есть вариант.

– Ну-ка, – заерзал на диване посетитель.

– Можно сделать вас нищим. Якобы нищим.

– Это что, побираться надо?

– Нет, это в сравнении с тем, как вы сейчас живете. Жить

будете скромно. Обшарпанная хрущевка на окраине, старая мебель... Ездить будете на старенькой «Ладе Гранта». Разумеется, без личного водителя. Хотя лучше на общественном транспорте ездить, тем более работа у вас будет сейчас неблагодарная, наездитесь.

– А что за работа?

– Ну скажем, доставщик пиццы. Алименты вы будете платить, но тысяч семь в месяц. С этого вашего скромного дохода.

– О, это круто, вот на такие деньги пусть покуражится, королева, – с довольной улыбкой сказал Маклаков и тут же спросил: – Только вопрос, все здорово, замечательно, но... а как она узнает?

– К бывшей супруге зарядим судебных приставов. Они якобы захотят ее имущество арестовать, вы же банкрот по легенде – она, разумеется, устроит скандал, а потом решит проверить сама.

– Круто. Какой чек у вас за это? – с довольным видом потирая руки, спросил Маклаков.

– Приятный.

– Я просто круто «на чай» оставлю, если все срастется. Я такой.

– Рад слышать, – ответил Решетников.

– Даша, – сказал Решетников после ухода Маклакова, – собери всех: режиссеров, сценаристов, художников, гримеров, конечно. С этим мужиком надо хорошо поработать примерам, чтобы жирные волосы, помятый, опустившееся животное, мерзкое, ясно?

Даша быстро записывала в блокнот.

– Семен, – обратился Решетников к режиссеру, – ты с ним пройдишь по ситуации, что и как ему говорить. Парни – повернулся от к сценаристам, – текста не надо много, пару крепких фраз.

Совещание прервал звонок от Жданова.

– Каналу очень понравилось ваше предложение, – с ходу сообщил тот.

– Мое предложение? – удивился Решетников.

– Перенести все в современность, написать новое «Преступление и наказание».

– Я не предлагал, я говорил, «если бы я писал».

– Ну мы так поняли, что, если вам позволим, вы возьметесь за экранизацию...

– Да я вообще не люблю Достоевского... Я пытался вежливо отказать. Вернее, вежливо отказал.

Но от Жданова не так легко было отделаться.

– Давайте так, вы подумаете, вот не сразу отказывайте,

а подумайте. Это все-таки Достоевский, таких предложений мало.

– Согласен. Тогда мне надо посоветоваться... с Федором Михайловичем. Я сразу позвоню.

Отпустив всех, кроме Даши, Решетников спросил у нее:

– Успела найти информацию по Бондарю?

– Да. – Она протянула листок.

Решетников бодрым шагом направился к машине. Даша, стараясь не отставать, продолжала:

– Этого Бондаря зовут Олег Владимирович, суровый мужчина.

– Пьет?

– Нет.

– Хуже. Надо искать подход.

– Поняла, займусь.

– Умница. Как я буду без тебя? – Решетников вдруг остановился и обернулся к Даше.

– А почему без меня?

– Сколько у тебя уже, три недели, четыре? Триместр только начался, правильно?

Даша застыла на месте.

– Откуда вы знаете?

– Унижаешь начальство, Даша. Эх, не спасешься ты, Даша, не спасешься. А хотя через роды, может быть. Подход, искать подход.

Решетников сел в машину и поехал к Бондарю. Даша, как

обычно, не подвела и быстро нарыла новую ценную информацию:

– Петр Сергеевич, я нашла подход. Этот Олег Владимирович все-таки пьет, но не все, любит текилу с лаймом. Не лимон, именно лайм. Вот такой человек. Спортсмен, имеется несколько сотрясений, так что аккуратней с ним.

– Если сработает, Даша, премия всему коллективу. Клянись.

* * *

Спустя еще четверть часа Решетников уже звонил в дверь Бондарю, держа в одной руке бутылку текилы, а во второй – пакетик с лаймами.

Дверь открыл высокий крупный мужчина в домашнем спортивном костюме. Весовые категории явно были не в пользу Петра.

– Я отец Саши Решетникова.

Бондарь молча кивнул в ожидании дальнейших слов.

– Я не смог сегодня приехать в школу, делегировал жене, о чем искренне сожалею.

Бондарь снова молча кивнул.

– Полакомимся текилой? – перешел в наступление Петр, поднимая руки с текилой и лаймами.

После паузы Бондарь кивнул в третий раз и посторонился, пропуская Решетникова.

Спустя несколько рюмок хозяин стал словоохотливее.

– Да мне самому неудобно, ты не представляешь, – говорил он. – Как твой моего ушатал? Стыдно. Сколько боксом занимается, и тут такое.

– Я, если честно, сам в недоумении, Сашка всегда тише воды, а тут подрался. Да еще и как. Отслоение сетчатки, жена говорила?

– Нормально все с глазом, сегодня врачи сказали, дома пока посидит, сотрясение же. А потом...

– А чего подрались, не в курсе?

– Да баба там была.

– Стас тебе сказал?

– Нет, этот молчит. – Бондарь снова разлил текилу по рюмкам. – Так дерутся только из-за баб. Едва оттащили. Там баба.

Они чокнулись и выпили.

– Жена говорила, вы заявление хотели подавать? – произнес Решетников.

– Было дело.

– Уладить бы нам этом вопрос.

– Можно и уладить.

– Давайте мы оплатим лечение Стасу?

– Какое лечение? Дома сидеть будет.

– И что, какие варианты?

– Сейчас допьем и пойдем дальше куражиться.

На этот раз кивнул Решетников, его такой вариант вполне

устраивал.

Через час, уже изрядно захмелев, они вышли и уселись на спортивной площадке. Бондарь все говорил о том, что не давало ему покоя:

– То, что твой парень хохотальник моему начистил, даже правильно, а то уже совсем невозможно говорить стало. Возмужал, окреп, слова не скажи.

– У меня с Сашкой нормально, понимание есть, – ответил Решетников. – Я так думаю.

– Я ведь такой же закрытый был, но мой отец у меня и не спрашивал ничего. Результат даешь, и хватит. Но я же другой, я же интересуюсь его делами, что там, как там...

– А ты вообще в курсе, что у них за класс, дружные они там или... я просто как-то об этом ни разу...

– Нормальный вроде, но... Ты только не злись.

– А чего я должен злиться?

– Ну... Твой сын лох.

– Что?

– Только давай без этого, я не обидеть хочу, я от души говорю, надо знать.

– И что, мой лох твоего героя положил?

– От этого и тошно. Кто тогда мой теперь, если...

– Кто тебе это сказал про Сашку?

Бондарь ответил уклончиво:

– Ну я образно, не то чтобы прямо лох, но он такой сам по себе, учится хорошо, скрытный, тихий. Его ж и раньше

доставали, но он молчал всегда, это я знаю – слушал разговоры Стаса по телефону, угорали все время с него. Почему он сейчас ответил? А наказал правильно.

После недолгой паузы Бондарь заявил, поднимаясь со скамьи:

– Драться хочу.

– Тебе пить нельзя, – сказал Решетников, видя, что Бондаря совсем развезло.

– Давай сейчас возьмем еще, и хватит. Чтобы наверняка, во всем надо доходить до конца, до сути.

– Нет, хватит уже. Хорош. По домам.

Бондарь, угрожающе насупившись, начал подступать к Решетникову:

– Слушай, может, с тобой подеремся?

– Не стоит.

– Почему? Реванш, отцы за детей. Давай.

Неожиданно Бондарь занес кулак, Решетников едва успел увернуться, говоря:

– Ну хватит, хватит.

– Да че ты, никаких заявлений. Разберемся и забудем.

Решетников начал отступать спиной, снова уворачиваясь от удара.

– Угомонись, Олег Владимирович.

Но Бондарь разошелся не на шутку и еще раз попытался нанести удар. Воспользовавшись тем, что Бондарь едва стоит на ногах, Решетников ударил в ответ и закрепил успех,

заехав пошатнувшемуся Бондарю в челюсть. Тот упал навзничь и замер, бормоча:

– Вот это позор... твою мать...

Решетников подошел к поверженному и протянул руку, которую Бондарь принял.

«Пожалуй, инцидент можно считать исчерпанным», – подумал Решетников по дороге к своему джипу.

* * *

Вернувшись домой, Петр первым делом осмотрел себя в зеркало. Все-таки Бондарь его задел – на скуле виднелось небольшое покраснение. Решетников подошел к комнате сына и постучался.

– Я ел, – послышался Сашин голос.

Решетников вошел в комнату, прошел к кровати, сел. Саша сидел за ноутбуком, на столе лежал открытый английский словарь с дефинициями.

– Я поел, – повторил сын, не отрываясь от монитора.

– Вы с ним что, девочку не поделили? – начал Решетников. – Ну теперь уже поделили. Она с тобой? Или пока вы дрались, пришел третий и увел?

– Ты пьяный, что ли? – Саша обернулся и внимательно посмотрел на отца.

– Встречался с отцом Стаса, говорили про случившееся. За что ты его?

– А Стас что сказал?

– Он тоже молчит, – ответил Решетников.

– Ну вот и я говорить не буду.

– Ты ему сотрясение устроил. Надо понимать, конфликт улажен или...

Саша досадливо нахмурился:

– Пап, хватит. Хорошо, когда ты трезвый, всем довольный.

– Мы должны поговорить.

– Слушай, давай я скажу маме, что мы поговорили, и ты успокоишься.

– Я хочу поговорить, потому что я хочу поговорить.

– Ты устал, тебе хочется спать, мне хочется побыть одному, давай разойдемся.

– Есть ощущение, что у нас нет с тобой взаимопонимания, – меланхолическим тоном проговорил Решетников.

– Слушай, но ведь все хорошо, мы приветливы, дружны. Чего ты копать начал? Я тебе не расскажу ничего, потому что есть вещи, о которых не надо рассказывать. Личные. Это нормально.

– От родителей, особенно от отца, ничего нельзя скрывать.

– Слушай, отец, у тебя есть секреты?

– Нет! – Решетников даже головой покачал для убедительности.

– Врешь. Ты мне врешь. А я чего должен отвечать тебе

правду? Пап, давай я буду заниматься.

Саша отвернулся к монитору. Видя, что сына не удастся пронять, Решетников выдержал паузу и заявил:

– У меня есть другая женщина.

Саша, мгновенно забыв о своем занятии, резко повернулся к отцу.

– Что?!

Решетников вдохновенно продолжал:

– Мы с ней давно знакомы, но вот сейчас отношения... роман, короче. Мама пока ничего не знает, потому что... ну... может, и не надо говорить, на две семьи пожить, ты вон уже взрослый какой, папа тебе только мешает... ну вот я сказал тебе правду, теперь ты давай.

Саша внимательно смотрел на отца, пытаясь понять, лжет он или нет.

– Ну что ты врешь, а?

– Это правда.

– Нет! Женщину какую-то придумал, что за цирк?

– А как тебя разговорить?

– Никак. Может, раньше надо было начинать говорить, я бы привык, а может, я просто такой, что никак. Все нормально. Честно. Я не наркоман, у меня все нормально. Давай ты протрезвеешь...

Решетников грустно хмыкнул, встал и, слегка покачиваясь, вышел из комнаты.

Через 10 минут он уже крепко спал перед включенным

телевизором, не видя, что транслируется интервью Марии Шульгиной.

– Я должна извиниться, – говорила она с виноватой улыбкой, не теряя при этом достоинства, – но в последнее время мне нездоровилось, и я была вынуждена пойти на этот поступок. Разумеется, я обещаю, что отныне буду сама лично присутствовать на всех гастролях. Спасибо. Еще раз спасибо.

* * *

Решетников же в это время видел совсем другие картины. Он оказался в казино, причем не современном, а, судя по одежде посетителей и крупье, эпохи конца девятнадцатого века. Осмотревшись, он заметил за столом Достоевского – того зрелого Федора Михайловича, что знаком каждому по школьным портретам. Решетников присел рядом, не сводя с гения замороженных глаз. Наконец, набрался смелости и обратился к писателю. Но тот оборвал его отрывистым «Нет».

– Что нет? – слегка опешил Решетников.

– На все твои вопросы ответ: нет, – ответил Достоевский, не удостоивая Петра взглядом.

– На какие? Вы же не знаете, о чем я хотел спросить.

– Пришел благословение просить.

– Зачем мне ваше благословение?

– На экранизацию «Преступления и наказания».

– Я не хочу писать экранизацию.

– Хочешь. Не благословлю. Я паблик домейн, конечно, но нет. Уходи.

– А я назло напишу, – с вызовом произнес Решетников.

– Прокляну. Ты и так говнодел, а так и вовсе перестанешь писать. Даже эти твои алиби не сможешь сочинять. Такой позор. Ты так никогда не станешь великим писателем.

Решетникова раздражало, что писатель не желает на него смотреть.

– Я не хочу быть великим писателем.

– Не можешь, вот и не хочешь.

– То есть, если я перестану сочинять алиби, я стану известным писателем?

– Станешь известным говноделом.

– А можно другое слово использовать? – все больше раздражаясь, спросил Решетников.

– Нет, говнодел, нельзя. А чтобы стать настоящим писателем, нужно страдать и быть бедным. Быть бедным и страдать. Всего-то. А ты живешь в зоне комфорта, говнодел. Зачем тебе писать современную версию «Преступления»? Тебя это не спасет. Тебе очиститься надо через страдание и муки. Оставить свое это агентство, переосмыслить жизнь, переоценку сделать. Реновацию жизни произвести.

– Знаете что, Федор Михайлович, – вскричал доведенный до бешенства Решетников, – идите вы в жопу!

И тут Достоевский впервые за весь разговор повернулся к

нему, посмотрел прямо в глаза и ответил:

– Там занято. Там ты.

* * *

Проснувшись ровно в восемь утра, Решетников выключил телевизор и набрал Жданова.

– Добрый день, Роман Викторович, я согласен писать.

– Да? А мы уже нашли автора.

– А если я скажу, что уже есть кое-какие наработки? Мне сегодня приснилось, как это все должно быть. Как Менделееву, все в карточках.

– Отлично. Пришлю договор на почту.

– Ждите бестселлер, – сказал Решетников и положил трубку.

Из размышлений об удивительном сне с гениальным писателем в главной роли его вывел голос Саши:

– Пап, ты спишь?

Решетников энергично подскочил с кровати.

– Завтрак? Ты за этим пришел? Сейчас, сейчас будет пир...

– А где мама?

– А она не приехала?

– Нет, не ночевала.

– Ты звонил ей?

– Трубку не берет.

Встревоженный Решетников начал быстро одеваться.

– А чего ты такой спокойный? У тебя мать дома не ночевала.

– Я думал, она тебе сказала, что не будет ночевать...

– Иди делай завтрак, а я быстренько разберусь.

Выпроводив сына, Решетников взял «рабочий» телефон – тот, который использовался для «Алиби», и набрал помощницу.

– Даша, привет, срочно скажи нашим компьютерщикам, чтобы нашли мне местонахождение человека по номеру или просто, где сама труба. Номер сейчас скину.

Голос Даши удивил и даже немного испугал Решетникова.

– Вы должны приехать. Срочно.

– Даша, ты меня не слышала?..

– Приезжайте, – перебила его Даша, – это очень важно.

– Да что случилось? – Решетников повысил голос.

– Я не знаю, вы должны приехать, – снова повторила Даша. – Мы узнаем местонахождение человека по телефону, вы, главное, поторопитесь.

* * *

В машине Решетникова застал звонок от Маклакова.

– Все получилось! – объявил тот радостно.

– Отлично. А что именно?

– Ну это, нищенство мое сработало. Бывшая ко мне при-

перлась, увидела всю мою обстановку, бутылки пустые, обозвала нищепородом и послала подальше. И кстати, призналась, что Вадик – паренек ее – не от меня. Все отлично сработано!

– Есть одно «но», – сказал Решетников. – Придется пожить немного такой жизнью.

– Зачем? – протянул Маклаков.

– Ваша жена, как видно, не дура, вы напрасно на нее так. Я думаю, она наймет кого-нибудь последить за вами.

– Да... И сколько?

– Ну недельку пиццы поразвозить придется. Мы последим, не следит ли кто за вами.

– Ну ладно. И в хрущевке жить?

– Всего неделю. Думаю, тревога ложная, но она все-таки тревога.

* * *

Решетников вошел в свое агентство с черного хода, как делал почти всегда.

– Ну что тут такое? – обратился он к сидящей за столом в приемной Даше.

При виде начальника Даша, хорошенькая шатенка с голубыми глазами и вздернутым носиком, взволнованно подскочила.

– Вас ждут, – пролепетала она, кивая в сторону перего-

ворной.

– Да что произошло? – вскинулся вконец озадаченный Решетников.

– Вы сейчас сами все увидите.

Взяв на ходу конфету, Решетников направился в переговорную. На пороге, увидев, кто ждет его за стеклом, он замер, несколько секунд постоял в дверях, затем медленно прошел к столу и опустился на стул, не сводя глаз с посетительницы. Это была его жена Ольга.

Она сидела на диване, всхлипывала и утирала слезы. Решетников не сразу включил микрофон. Отложив забытую конфету, он молча взирал на Ольгу, пытаясь осознать, что происходящее – не сон.

Зазвонил мобильный. Решетников, не глядя, отключил телефон. Взяв себя в руки, он наконец включил микрофон.

– Здравствуйте, – произнес он, стараясь, чтобы его голос, преобразованный микрофоном, звучал спокойно и уверенно.

Ольга вздрогнула и уставилась на стекло, словно пытаясь разглядеть невидимого собеседника.

– Здравствуйте.

– Что у вас за проблема?

– Мне нужно алиби. Я изменила мужу.

Глава 2

Решетников постарался собрать в кулак всю свою волю. В ушах все еще стояли слова Ольги, но мозг отказывался принимать услышанное. С минуту Петр стеклянными глазами смотрел на свою жену. Неужели это действительно с ним происходит?..

– Вы изменили мужу? – медленно повторил он.

– Да. Именно.

– Вы уверены? – произнес он, прекрасно осознавая всю неуместность вопроса.

Ольга улыбнулась с грустной иронией:

– Уверена в том, что изменила? Думаете, мне показалось?

– Ну, может, был просто... поцелуй, а вы решили...

Ольга твердо помотала головой:

– Нет. Я изменила.

Чем яснее Решетников осознавал слова жены, тем сильнее в нем закипала ярость.

– Вам понравилось? – вырвалось у него.

Растерянно помолчав, Ольга спросила:

– Что?

– Вы бы хотели повторить еще раз? – не унимался Решетников. – Или не раз?

Теперь и Ольга закипела от возмущения:

– Я не буду с вами это обсуждать!

Решетников немного помолчал, сделал пару глубоких вздохов и продолжил миролюбиво:

– Это я спрашиваю, чтобы выяснить, нужно ли вам алиби только на этот раз или вы еще планируете встречи?

– Нет. Нет. Только сейчас, – поспешно ответила она. – Это была ошибка.

– А ваш муж подозревает вас в измене?

– Нет. Он бы никогда не стал меня подозревать. – Ольга снова заплакала. – И от этого еще хуже... Я не ночевала дома, хотя должна была приехать. Я боюсь, что не выдержу и сразу все ему расскажу. Так нельзя.

– Он доверяет вам?

– Да, да, очень. Он считает меня верной женой. Так что ничего сверхъестественного придумывать не нужно, просто... я сегодня не ночевала дома.

Ольга не могла продолжать – слезы душили ее. Некоторое время Решетников молча наблюдал за женой. Затем произнес, все еще на что-то надеясь:

– То, что вы не ночевали – еще не повод думать, что вы изменили.

– Понимаете, я никогда не врала ему. Я просто не смогу соврать. Я выдам, я признаюсь, чтобы облегчить себе душу, а так нельзя. Я должна страдать одна, одна...

Решетников выключил микрофон и, вскочив с места, разразился яростными криками:

– Страдать?! Хочешь пострадать?! Тяжело тебе?! Стра-

дать хочешь? Я устрою тебе страдания...

Решетников снова сел в кресло и включил микрофон:

– Итак, продолжим. С кем вы ему изменили? Или их было несколько?

– Он был один. Но я не могу сказать с кем.

– Мне нужно это знать на случай, если он вас выдаст.

– Исключено, – решительно ответила Ольга. – Он женат, у него семья, двое детей, мальчики.

– А почему вы изменили? – вдруг спросил Решетников.

– Я не знаю, это порыв... Я не знаю.

– Вы любите мужа?

Ольга ответила не сразу:

– Да. Наверное.

– Вы сомневаетесь?

– Просто... как-то все стало не так ярко. Как-то... я люблю. И уважаю, – задумавшись о чем-то своем, Ольга кивнула.

Волна гнева снова захлестнула Решетникова. Выключив микрофон, он сжал руки в кулаки, забыв, что в правой руке зажата дорогая ручка. Ручка сломалась, что вызвало у Решетникова горькую усмешку:

– Твой подарок, Оля...

Ольга прервала затянувшееся молчание:

– Чего вы молчите?

– Скажите, вам понравилось заниматься сексом с тем мужчиной?

– Да. Мне понравилось.

– Ваш муж вас удовлетворяет?

– Мне обязательно отвечать? – спросила Ольга, краснея.

– Это важно, просто отвечайте.

– Он замечательный, веселый, ответственный...

– Да или нет, – прервал жену Решетников.

– Это не главное в жизни...

– Не уклоняйтесь, пожалуйста от ответа. Да или...

– Нет! – воскликнула она, пряча лицо в ладонях.

– Никогда? – спросил Решетников, ощущая, как заныло где-то в груди.

– Нет.

Решетников вновь выключил микрофон. Не в силах продолжать этот допрос, он поднялся из-за стола и сделал несколько резких движений. Сердце стучало гулко и тоскливо, его удары отдавались в голове колокольным звоном.захотелось выскочить из комнаты, схватить жену и трясти ее до тех пор, пока она не сознается, что все это только глупый, нелепый розыгрыш. Слишком ужасный, чтобы оказаться правдой.

– Почему вы молчите?

Решетников молча смотрел на Ольгу, он не мог заставить себя подойти к столу и включить микрофон.

– Что происходит? – продолжала вопрошать обеспокоенная Ольга. Она встала и приблизилась к стеклу, разделяющему комнату.

Решетников изо всех сил ударил кулаком в стену и, скор-

чившись от боли, зашелся в немом крике.

Ольга осторожно постучала в стекло.

Прижав руку к груди, Решетников снова сел за стол и включил микрофон.

– Я продумывал для вас алиби, – проговорил он спокойно, – ничего сверхъестественного, раз муж вам доверяет, ему будет достаточно.

– Да, и что это?

– Вот что мы сделаем. Вы скажете мужу, что уже собирались ехать домой, подошли к машине, но той не оказалось на месте. Оказывается, ее увезли на эвакуаторе, а телефон остался в салоне, потому что вы вышли всего на 5 минут в магазин за минералкой. Следы от ленты на эмали вашей машины мы сделаем.

Ольга помолчала, переваривая историю.

– Хорошо, я так и сделаю, – сказала она и, поднявшись, направилась к выходу.

– И ни в коем случае не признавайтесь мужу, – сказал Решетников ей вслед. – Вы облегчите себе душу, но его жизнь превратите в ад.

Ольга согласно кивнула и вышла из комнаты.

Когда за женой закрылась дверь, Решетников нажал кнопку на селекторе, вызывая Дашу. Девушка сразу появилась. Ее исполненный сочувствия вид добавил Решетникову новых мучений.

– Вы как? – спросила она.

Решетников произнес со всей иронией, на которую только был способен в этот момент:

– Думаю, ее муж поверит в это алиби.

Даша все не уходила.

– Что-то еще? – исподлобья глянул на нее Решетников.

– Мои соболезнования.

Решетников заставил себя улыбнуться:

– А нечему соболезновать. Я и Чехов всегда настаивали на том, что, если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не Отечеству.

* * *

Отдавая себе отчет, что работать он в этот день больше не способен, Решетников направил свои стопы в бар. Но там он успел опрокинуть только пару бокалов пива и исправить надпись на телефоне с «Ее Величество Жена» на «жена». Алкоголь пока не помогал. В голове то и дело возникали картины Ольгиной измены, одна сюрреалистичнее другой.

Подошел бармен:

– Тут девушка спрашивает, не против ли вы компании.

Решетников посмотрел в направлении, куда указывал бармен, и увидел приятную брюнетку, сидящую в конце барной стойки. Поймав его взгляд, девушка приветливо улыбнулась. Но приключению в тот вечер не суждено было случиться, поскольку Решетникову позвонила жена.

– Дорогая, я перезвоню, – начал было он, но Ольга взволнованно перебила:

– Ты где?

– Где-то.

– Срочно приезжай домой.

– Что такое?

– Сашка пропал.

– И все?

– А этого мало?! Сына нет, понимаешь?

– Я услышал тебя, – ответил Решетников и выключил телефон. – Упс. «Небеса против нас», – сказал он, обращаясь к брюнетке. – Обещаю никогда вас не забыть, сударыня.

– Ты что пил, что ли? – едва он вошел, спросила Ольга, на которой лица не было от беспокойства.

– Начал входить в штопор, и тут ты. Бокал выпил, и все.

– Я всех обзвонила, всех... только потом тебя.

– А с чего ты решила, что пропал?

– Потому что его нет дома! Уже два часа ночи. Подрался, теперь домой не пришел, что мне думать?

– Загулял.

– Ты все-таки пьяный? Он позже одиннадцати не приходил никогда, и то позвонит три раза, предупредит, чтобы не волновались.

– Меня никогда не предупреждал.

– Меня предупреждал.

– А, вот у вас какие порядки. Интересно. Я, оказывается,

не знаю тех, кого приручил.

Решетников испытующе посмотрел на Ольгу.

– Петя, ну что ты несешь?! Хватит иронии, сарказма. Дело серьезное. Ты же отец, ты только представь, что его уже...

– Что предлагаешь делать? Мать.

– Я что предлагаю?! Ты что предлагаешь!

– Я предлагаю волноваться... и ждать.

– Искать!

– Где? Где? В Питере? Или в области?

– Надо написать заявление в полицию.

– Не примут.

– Почему это?

– Надо чтобы хотя бы сутки прошли.

– И что делать?! Сидеть сложа руки?

– Можно подать заявление, что он угнал машину, тогда начнут искать быстрее. Но потом все равно придется сидеть сложа руки. Ждать дома, вдруг вернется.

– Подать на сына?! – Ольга побледнела от злости.

– Заявление потом можно будет забрать. Я так в одном сценарии делал.

– Поехали. – Ольга решительно схватила ключи и сумку и пошла к выходу. Петр покорно последовал за женой.

– А куда мы едем? – спросил Решетников уже в машине.

– Мы просто едем по району. Потому что он никуда не выходит из него. Здесь школа, музыкальная школа, спортивная секция, репетитор, здесь вся его жизнь.

– А друзья есть у него?

– А ты не знаешь?

– Ну вроде ты как бы с ним близка, вы там все время что-то по душам.

– По душам? Ты вообще в курсе, что твой сын довольно-таки закрытый человек, вещь в себе?

Решетников помолчал, что-то припоминая:

– Витя.

– Что? – Ольга бросила на него недоуменный взгляд.

– Витя Маклак. Его друг, ты ему звонила?

– Они дружили в шестом классе, – ответила Ольга, пере-дернув плечами.

Решетников старался не смотреть на жену. Как только она поворачивала к нему лицо, в его голове вновь возникали сцены ее измены. Это было едва выносимо. Решетников не сразу понял, что Ольга остановила машину. Не в силах оставаться с женой рядом, Петр вышел.

Он увидел на слабо освещенной детской площадке компанию молодых людей, почти подростков. Они пили пиво, курили, что-то оживленно обсуждая. Решетников приблизился к ним.

– Парни, дело есть.

Компания затихла, обернув к нему настороженные недобрые лица.

– Вы не видели этого юношу? – Решетников протянул мобильник с фотографией Саши.

– Нет, не видели, – ответил один из них, скользнув взглядом по фотографии, Решетников определил, что это их «главарь».

– Это мой сын, – произнес Решетников.

– И че, нам подорваться и найти?

– Нет, просто прошу вспомнить, может, кого-то сегодня били похожего, отжали телефон, у него такой же, кстати, – добавил Петр, кивнув на мобильник главаря.

– Вали отсюда, дурень.

– Телефон оставьте, просто скажите, где он.

В ту же секунду один из гопников ударил Решетникова в плечо, отчего тот отшатнулся на полметра.

– Тише, тише, – заговорил Петр, снова приближаясь.

– Рупор, оставь его, – велел главарь. – Прыгай отсюда, папа.

Решетников изучающе смотрел на компанию, в его глазах заиграли игривые искорки.

– А может, подеремся? А? Один на семь, а? Готовы огрести? На орехи, а?

– Вали, – бросил главарь.

Вместо ответа Решетников пихнул в грудь своего обидчика – Рупора. Завязалась драка: Рупор ударил Петра в лицо, а тот, сдержав удар, нанес ответный. Через несколько секунд Решетников уже лежал на земле, осыпaeмый пинками. Он не отбивался, а лишь прикрывал руками голову.

Раздался истеричный вопль Ольги:

– Что вы творите?! Уроды! Я вызову ментов!

Увидев, что к ним приближается женщина, главарь приказал:

– Ладно, погнали.

Парни стали неспешно удаляться. Решетников поднялся на ноги, вынул телефон и протянул его им вслед.

– Парни, телефон возьмите, заслужили... спасибо.

Компания не удостоила вниманием Решетникова, заливавшегося тихим, почти беззвучным смехом.

– Ты как?! – кинулась к нему Ольга.

– Ребята... не видели.

– А чего драться начали?

– Так гопники. Соль земли.

Они медленно побрели к машине.

– Что с тобой? Ты меня вообще слушаешь? – донесся до него ее голос.

Помолчав, Решетников произнес:

– Какая ты молодец. Я про этот случай с девчонкой.

– Да ладно, – явно смутилась Ольга.

– Ты очень хорошая, Оля. Очень, – улыбаясь, сказал Решетников.

– Ты о чем думаешь?! У тебя сын пропал.

– Да. Да. Поехали домой.

– Как это домой?

– Подождем до утра, если нет – утром подадим заявление, что он ограбил тебя. Или меня. Поехали.

Путь до дома они проделали молча. Решетников старался не отрывать глаз от окна, чтобы не видеть лица жены. Так ему было хоть немного легче.

* * *

Войдя в квартиру, они заметили свет на кухне.

– Ты оставил включенным свет? – спросила Ольга.

– Ты оставила.

– Какая разница кто, мы забыли выключить его или...

Из кухни появился Саша с бутербродом в руке.

– А чего вы вместе? – спросил он, с любопытством разглядывая родителей.

– Ты где был? – строго спросила Ольга.

– Дома.

– Тебя не было дома. Я уже не знала, что думать...

– Так ты не уехала в командировку... А... вот оно что. Вы подумали, что я... Понял.

Ольга раздраженно ходила по кухне.

– Ты где был? Почему на звонки не отвечал?

– Разрядился телефон. Зарядки такой не было рядом.

– А где не было такой зарядки? Где?

Решетников решил разрядить обстановку:

– Да он старушек по домам разводил, доброе сердце.

– Закрой рот, не до шуточек! – оборвала его Ольга и снова набросилась на сына: – Отвечай, я тут чуть не двинулась.

– Я был у одноклассницы, – голос Саши становился напряженным.

– У какой одноклассницы? Я всех обзвонила!

– Значит, не всех. Всех ты не знаешь.

– У кого ты был?

– Я не могу сказать. Что за допрос...

Саша вышел из кухни. Ольга пошла за ним, не замечая, что забыла разуться, войдя в квартиру.

– Саша, ты уже что... взрослеть начал? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Это эвфемизм? Ты про секс?

Ольга осеклась и слегка покраснела.

– А мы на тебя заявление собрались писать, мол, ты грабитель и насильник.

– Замолчи. – Ольга одарила Решетникова колючим взглядом и снова обратилась к Саше: – А что, если и да? Был? Только честно.

– Секса не было. К сожалению, она не такая. Мы просто целовались. Целоваться можно? Да, лежали рядом, случайно заснули, я не думал, что вы меня ищете. Не держит батарея просто...

– У кого ты ночевал? Я не буду ругать. – Ольга уже просила, а не требовала.

– У Соломиной. Кати, – смягчаясь, ответил Саша.

– У Соломиной? – удивилась Ольга.

– Мне с ней хорошо, понимаете, хорошо.

Решетников увидел, что Ольга несколько успокоилась.

– Иди спать, – сказала она устало.

Саша кивнул. Ольга поймала его за руку, притянула к себе, крепко обняла и поцеловала в лоб. Саша, стойко выдержав материнскую ласку, ушел к себе в комнату.

– Чего ты так покраснела, как будто это не он случайно заснул, а ты...

– Потому что ты должен был говорить с ним об ЭТОМ!

– Завтра же ему расскажу, как презерватив на глобус натянуть. Думаю, это единственное, чем он пока не овладел.

Ольга посмотрела на него с неодобрением и сказала:

– Продолжай.

– Может, пора завести няню, чтобы она все время находилась рядом с ним, и в горе и в радости...

– Еще.

Она стояла перед ним, обхватив себя руками. Решетников видел, что жена снова начинает вскипать, но не унимался:

– Сейчас ему нужны присмотр и совет мудрой женщины. И немного вязаных вещей.

Ольга вдруг успокоилась и как-то грустно улыбнулась. Решетникову пришло в голову, что жена разочарована его поведением.

– Я просто спешу посмеяться над всем, иначе мне пришлось бы заплакать, – объяснил он.

Ничего не ответив, Ольга вышла.

В спальне, когда они готовились лечь, на Решетни-

кова снова обрушились сводящие с ума картины ее измены. Он застыл, наблюдая, как она ложится в кровать, и видел ее не такой, как сейчас, в ночной рубашке, усталую и сонную, а ту, которой она была в его страшных фантазиях – извивающуюся в страстных объятиях другого мужчины...

– Ты что не ложишься? – спросила она.

– Я... в кабинет, поработаю.

– А что так?

– Поработать надо.

Решетников даже не увидел, а почувствовал, как она облегченно перевела дыхание.

– Хорошо. С тобой все в порядке?

– Да. Наверное, да, – задумчиво ответил он. – А почему нет? Да. Я счастлив. А ты?

Ольга кивнула и отвернулась.

* * *

Ночью Решетников снова беседовал с Достоевским.

– Это вы меня проклинали, да?

Достоевский отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Вы же слышали, что я ее не удовлетворяю?

– Никто своих жен не удовлетворяет. Тут бы себя потешить, еще о ней заботиться.

Решетников так и не понял, шутил Достоевский или нет.

– Зачем тебе это агентство? – спросил писатель.

– Людям помогать.

– А от жены чего скрываешь? Боишься, узнает, какой ты добрый?

– Я просто хочу, чтобы был один кусочек моей жизни, который для меня. Чтобы о нем никто не знал. У других есть любовницы, у меня нет.

– Суета это все. Помогаешь всяким подонкам. Погоришь.

– Предлагаете бросить? – подумав, спросил Решетников.

– Меня мало интересует, что с тобой будет как с человеком, а вот как персонаж ты мне интересен, говнодел.

* * *

Утром в агентство явился новый клиент – Леонид Викторович Рудов. Едва увидев его через стекло переговорной, Решетников понял, что имеет дело с распространенным нынче типажом. Хорошо откормленный, крупный мужик, чувствующий себя хозяином жизни в любой обстановке. Дорогой костюм и рубашка никак не маскируют, а скорее подчеркивают неистребимую хамскую сущность. На вид ему можно было дать лет сорок пять.

– В чем ваша проблема, рассказывайте, – поторопил Решетников, видя, что Рудов не спешит начинать разговор.

– Крамола, аж говорить неловко, – начал клиент, явно делая над собой усилие. – Дело в том, что я в депутаты бал-

лотируюсь. Шансы хорошие – не зря столько денег и труда вложено. А тут уроды объявились, нашли видео, где я с де-вушками нетяжелого поведения отдыхаю. – Рудов смущенно хекнул. – И обещают в Сеть его сразу выложить, если я не сниму свою кандидатуру.

– Пока ничего особо крамольного не вижу, – сказал Решетников. – Вы человек неженатый? – Рудов кивнул. – Значит, можете себе позволить.

– Да... дело в том, что там не совсем традиционный секс...

– Не стесняйтесь, здесь все свои, – подбодрил Рудова Решетников.

Тот достал смартфон, включил запись и повернул к стеклу. Через несколько секунд Решетников сказал:

– Понял, спасибо. Нормальный БДСМ – опять же по нынешним временам ничего крамольного.

Вид этого без пяти минут депутата, прикованного к кровати и с шариком во рту, немного развеселил Решетникова.

– Понимаешь, – заговорил, справившись со смущением Рудов, – я хочу во власть идти, депутатом стать хочу, а с такой... биографией не получится.

– Ситуация не безнадежная.

– Когда сможешь помочь? У меня пиары готовы, эти уроды обещают в Сеть его сразу выложить, если я не сниму свою кандидатуру.

– Пару дней надо, чтобы придумать стратегию. Ну даже

дня хватит.

– Ну ты давай, давай. Времени в обрез, выборы на носу, уже даже на переносице.

– Вы мне видео дайте.

– Зачем?

– Мне надо точно знать, что вы там делаете и с кем.

– Ну я же тебе рассказал в общих чертах.

– Вы должны мне доверять, иначе ничего не получится.

– Но дальше никуда не пойдет?

– Разумеется. Я лично буду заниматься вашим делом. Это честь для меня.

– Добро. Флешка у меня с собой, – ответил Рудов, не заметив иронии.

– Секретарше оставьте.

– А тебя нельзя увидеть? Ну мне бы тебе в глаза посмотреть.

– Незачем. Поверьте, я понимаю, с кем имею дело и что будет со мной, если что-то пойдет не так. Все будет хорошо.

Рудов попрощался и вышел.

Раздался телефонный звонок. Решетников внутренне напрягся и ответил:

– Да, моя любимая верная жена.

– Привет. Петь, мне проект предложили. – Голос Ольги звучал на удивление спокойно. – Мне на два дня нужно будет уехать.

В кабинет вошла Даша и прошептала:

– К вам жена.

– Запускай, – ответил Решетников, удивившись.

Он с тревогой ждал, когда Ольга появится в переговорной, то, зачем она могла прийти, пугало его.

– Здравствуйте, я думал, вас больше не увижу.

Решетников дал себе слово, что в этот раз не станет срываться.

– Я опять хочу к нему, как это устроить?

– Присаживайтесь.

Чувствуя, что хладнокровие начинает ему изменять, Решетников отключил микрофон и молча наблюдал за женой.

– Вы здесь?

– На сколько дней вы хотите?

– На пару дней.

– Куда? Он в России?

– В Выборге.

– Кем вы работаете?

– Вообще я режиссер документального кино. Но снимаю и проморолики, презентации, интервью, фильмы, монтирую, короче, всякое.

– А что вы делали в Выборге, когда изменили мужу в первый раз?

– Снимала интервью. Вы так говорите, как будто осуждаете.

– Вам показалось. Я только делаю алиби, и этим сохраняю семью. – Решетников посмотрел на разбитый вчера кулак и

заставил себя успокоиться. – Интервью было с ним?

– Нет, – после паузы ответила Ольга.

– Скажите мужу, что каналу понравилось интервью, и они заказали фильм об этом человеке. И еще скажите, что не хотите ехать.

– Почему?

– Уверен, муж скажет: езжай, сейчас отказываться от работы грех. Что-то такое.

– И все?

– Вот увидите, это сработает.

– Хорошо, я так и сделаю, – сказала Ольга и встала с дивана.

– И я всегда на телефоне, если что-то случится, захотите еще остаться на день, звоните мне. Вместе мы сохраним вашу семью.

Ольга кивнула.

– Спасибо.

– Вы же не хотите развода?

Решетников отметил, что и на этот вопрос Ольга ответила не сразу:

– Нет, нет. Конечно, семья – это главное.

* * *

Петр вспомнил, что собирался поехать в школу, проверить, так сказать, алиби сына. Он попал туда во время пере-

мены. У стенда с расписанием уроков его окликнули. Решетников обернулся и увидел миниатюрную красивую девушку лет двадцати трех. Строгий костюм не скрывал изящной, точеной фигурки. Длинные каштановые волосы, зеленые глаза, пухлые губы – все это произвело впечатление на Решетникова.

– Здравствуйте, Петр Сергеевич. – Она подошла, приветливо улыбаясь.

– Здравствуйте.

– Вы – отец Саши Решетникова.

– Ну, если вы утверждаете... – Решетников с удовольствием разглядывал девушку.

– Вы – знаменитый сценарист.

– Допустим. А с кем я говорю?

– Я – Красовская, Анна Николаевна. Я английский у вашего сына веду.

– Ага, и как он, владеет аглицким?

– Вполне.

– Слушайте, а вы не знаете, вот он дрался, это из-за чего, кого? Есть какие слухи?

Учительница слегка растерялась:

– Какие слухи?

– Ну какие-нибудь. Девочка там, обидели, заступился.

– Ну мы не так... я не могу про всех знать.

– Это понятно, – легко согласился Решетников. – А где его класс?

– А я вас провожу, я как раз иду к ним на урок. Идемте. Они стали вместе подниматься на третий этаж.

– А что вы сейчас пишете? – спросила Красовская.

– «Преступление и наказание» экранизируем с Федором

Михайловичем в соавторстве.

Красовская сдержанно улыбнулась и спросила:

– Вам Сашу позвать?

– Нет, если можно, Соломину. Катя, по-моему.

– Катю?

Красовская явно удивилась, но не стала задавать вопросов. Она кивнула и вошла в класс. Через несколько секунд в коридор вышла полненькая невзрачная девушка.

– Здравствуйте.

– Привет, невестка.

Огорошенная Катя спросила:

– Кто?

– А знаешь ли ты, Катя, что у вас с моим сыном роман?

– В курсе, – коротко ответила девушка, отводя глаза.

– А в курсе, что он сегодня у тебя ночевал?

– Конечно.

– Вы целовались, – полуутвердительно-полувопросительно сказал Решетников.

– Немного.

– Потом уснули.

Катя молча кивнула.

– А твои родители знают?

– Мама в командировке. Папа не живет с нами.

– Надо как-то мне с мамой познакомиться. Ну все-таки отношения у вас серьезные, вместе спите, возможен желанный секс и нежеланная беременность. Мы должны быть готовы к различным поворотам судьбы-злодейки.

Решетников увидел, что напугал девушку не на шутку.

– Нет... – залепетала она.

– Почему?

Катя потупилась, не зная, что отвечать. Решетникову стало ее жаль:

– Хотя, если ты только прикрываешь моего сына, делаешь ему алиби, то проблемы нет.

– Да, – тихо ответила Катя.

– Уже легче. А у кого он был, не подскажешь? Мы, родители, хотим знать, где ночуют наши дети. Мы их любим, нам интересно...

– Не знаю. Он со мной не очень общается.

– А у него есть какие-то симпатии в школе? Слухи какие-то, вот он дрался недавно...

– Вы знаете, Саша, он... классный, но он как-то с девочками не очень. Я не слышала, чтобы он с кем-то. И чего он дрался, никто не знает.

– Спасибо, успокоила. А с тобой мы говорили, потому что мне для сценария нужна была консультация. Это для интересующихся.

– Сашу позвать?

– Нет. Я его после встречу, передай, хорошо? Спасибо тебе.

Катя попрощалась коротким кивком и ушла в класс.

* * *

Вернувшись домой и еще раз просмотрев для вдохновения видео с девицами в латексе, избивающими розгами Рудова, Решетников набрал его номер.

– Леонид Викторович, это агентство «Алиби».

– Да, да, что, есть что?

– Я придумал выход из ситуации.

– Давай, давай, давай.

– Вас похитили.

– Что? Кто?

– Вы не знаете. Вы возвращались домой, подъехала машина, вас затащили. Вас пытали, сделаем шрам на груди. Усыпили. И потом вы уже обнаружили себя в комнате в таком неприглядном виде. Далее в комнату вошли две девушки в масках. Вас изнасиловали. Групповое изнасилование. Вы как жертва насилия не рассказали об этом никому. Вы просто хотели об этом забыть.

Рудову определенно нравилась эта идея.

– Отлично, продолжайте!

– Вы не знали, кто это, но теперь понятно, что это ваши конкуренты, которые захотели использовать запись как ком-

промат. Но вы не сдадитесь. Вы подадите заявление в полицию и добьетесь расследования. Все эти видео мы с вами снимем, но вам нужен очень точный текст, который вы скажете журналистам, когда будете объяснять. Вы его выучите, и их же оружием по ним.

– Ну ты голова! – В голосе Рудова слышалось восхищение. – Конечно, напоили, растлили, психическую травму на всю голову мне. Да. Молодец. Давай в мой штаб, креативщиком, деньгами не обижу.

– Нет, спасибо. Я таким образом людям помогать не могу. Я пришлю вам текст, который вы будете говорить. И еще, ролик мы выложим сами.

– Что?! – вскричал Рудов.

– Это наше оружие, а не их. Вы их размажете.

Дверь в его кабинет открылась, вошла Ольга. Решетников наскоро попрощался с Рудовым и закрыл ноутбук. Поднял глаза на жену.

– А ты дома? – сказала она.

– И ты дома?

– Слушай, каналу понравилось интервью, что я снимала в Выборге, просят сделать двадцатиминутный фильм.

– Так.

– Я так не хочу ехать, Петь. Два дня в Выборге в этой гостинице...

– Оля, обязательно поезжай.

– Ты думаешь?

– Конечно. Нельзя разбрасываться работой. Обязательно. Ты должна снимать. Ты талантливый человек, я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

– Тогда я позвоню, соглашусь.

Когда Ольга выходила из кабинета, Решетников спросил, глядя на ее спину:

– Ты меня не бросишь?

Она остановилась и снова повернулась к нему:

– Нет... а чего ты вдруг такое спрашиваешь?

– Как ты думаешь, я могу покончить с собой? Я, такой жизнерадостный, веселый, повеса, парень-рубаха. А могу ли? Я вот думаю, что не смогу. А ты как думаешь?

– Ты меня в чем-то подозреваешь, что такое?! – Ольга вперила в него изучающий взгляд.

– Нет, нет, я просто представил. Представил, что ты ушла, причинно-следственную цепочку выстроил. Знаешь, как Гоголь написал «Записки сумасшедшего» – просто представил, что сходит с ума, и написал. А там, медики настаивают, все стадии сумасшествия идеально написаны. Представляешь?

– Слушай, творческий человек, давай приземляйся, – с деланой небрежностью произнесла Ольга.

– Хорошо, – согласился Решетников с готовностью. – Может, поедем куда-нибудь, отдохнем?

– Эк тебя бросает из стороны в сторону, – усмехнулась она.

– Мальдивы. Бунгало. Мы стали отдаляться друг от друга,

да? На пару недель, немного приблизиться бы обратно...

– Петь, мне только проект предложили... я год без работы сидела нормальной. Ты сам сказал, чтобы...

– Обязательно поезжай, конечно.

Ольга снова повернулась к нему спиной.

– Тогда, может, секс? Раз уж любовью мы уже не занимаемся...

Она замерла и ответила, не оборачиваясь:

– Сейчас?

– Ну да. Сын в школе, мы взрослые люди, нам самим решать.

– Я не против. Давай.

Ольга прошла к дивану, стоявшему в кабинете, и уселась.

– Ну давай, – повторил Решетников, но с места не двинулся.

– Ну начинай, – сказала Ольга.

Решетников встал и нерешительно спросил:

– Здесь?

– А где?

– В душе.

– Нет, потом сушиться, укладываться, у меня еще столько дел.

– Понятно, – сказал Решетников и сел рядом с Ольгой. Преодолевая странную неловкость, они стали целоваться. Но как-то без огонька, что не преминул отметить Петр. Но тут вдруг Ольгу будто подменили, она сбросила с себя одежду

и с энтузиазмом, которого давно за ней не наблюдалось, стала целовать и ласкать его. Решетников не мог понять, на самом ли деле ей так хорошо, как она показывала. Или все эти страстные стоны – не более чем способ усыпить его бдительность?

– Ты за что прощения просила? – спросил Решетников, когда они, умиротворенные, лежали на диване.

– Ты о чем?

– Ну, это все ты не просто так вытворяла, явно же где-то нашкодила и невербально раскaiивалась.

– Нет, просто... захотелось сделать тебе приятное.

– Приятное ты делаешь мне и более простыми методами, я неприхотлив, а тут ты расстаралась.

Ольга, разозлившись, отстранилась:

– Больше такого не повторится.

Она вскочила, собрала одежду и быстро пошла к выходу.

– Слушай, я тебя удовлетворяю? – спросил Решетников ей вслед.

– Конечно. Да. Очень. Что за вопросы?

– Мне просто важно было знать. Спасибо за честность.

Ольга, не обернувшись, вышла из кабинета.

* * *

Решетников, как и обещал, поехал к школе, чтобы встретить сына.

Некоторое время они ехали молча. Первым заговорил Саша:

– Я так понимаю, что если ты решил меня встретить, то... будет разговор?

– С Соломиной алиби развалилось. Давай что-нибудь еще, – ответил Решетников.

Помолчав, Саша произнес:

– Папа, я гей.

Решетников едва справился с управлением. Вцепившись в руль, он ощутил, как на висках выступает пот.

Видя, что отец молчит, Саша продолжал:

– Я не хотел вам говорить, пытался скрыть, но ты вычислил. Я был у друга, это мой ровесник. Артем.

К Решетникову вернулся дар речи.

– Может, у вас просто крепкая дружба?

– Я так понимаю, тебе надо осознать. Я сам домой доберусь.

– Какой Артем? Все равно узнаю.

– Коломиец. Надеюсь, ты не устроишь скандала.

– Не волнуйся, толерантность – мой конек, – только и нашелся Решетников.

Не заставляя себя упрашивать, он остановил машину. Глядя вслед Саше, Петр схватился за голову, безуспешно пытаясь переварить услышанное.

Спустя несколько минут Решетников уже несся по трассе на огромной скорости. Он едва замечал, что происходит на дороге, – шок никак не отпускал его.

«Вот такие страдания вы мне приготовили?! Да на черта мне эта литература!» – мысленно кричал Решетников, обращаясь к Достоевскому.

Наконец он остановил машину и тут только услышал, что звонит телефон.

– Петр, добрый вечер, это Жданов. Вы договор посмотрели?

– Да, готов подписывать. Сроки поставьте там две недели на серию и правки.

– Количество денег за серию?

– Много.

– В цифрах.

– Четыреста за серию.

– Триста пятьдесят.

– Отлично. Завтра подписываемся.

Затем позвонила Даша.

– Я нашла этого Артема Коломыйца, он действительно учится с Сашей в одной школе. Умный парень.

Решетников развернул машину, снова поехал к школе сына. Делать хоть что-то лучше, чем пытаться приучить себя к

мысли, что единственный сын оказался геем.

Педагоги, заполнявшие свои журналы, с интересом уставились на заглянувшего в учительскую Решетникова.

– Здравствуйте. Мне нужно найти Артема Коломийца. Это возможно?

Первой откликнулась самая молоденькая учительница:

– Да, конечно, я знаю Артема.

– А с какой целью он вам нужен? – строго поинтересовалась ее пожилая коллега.

– С целью поговорить. Побеседовать с молодым поколением, мне его рекомендовали как... светлое будущее. Хочу в сценарии сделать образ молодого поколения, которое сотрет нас с лица земли.

– Согласна, очень талантливый мальчик, – откликнулась молодая. – В двести семнадцатой, факультатив по природоведению у них.

– Здравствуйте, а можно мне Артема Коломийца на пару минут? – спросил Решетников, открыв дверь в класс.

– Это я, – отозвался худенький мальчик в очках. На вид ему было не больше одиннадцати.

Решетников, просияв, полюбовался мальчиком и сказал:

– Хотя рано мне с тобой говорить. Спасибо.

«Провел меня Сашка», – с блаженным облегчением подумал он и, словно на крыльях, помчался домой.

А дома Решетникова ждал новый сюрприз.

– Ты чего трубку не берешь? – Саша встретил его на пороге. – Мы тебя ждем.

– Мы? Ты что, дурак, маме рассказал?! – Решетников пошел за Сашей на кухню.

Там за столом сидели Сашина учительница Анна Красовская, а напротив нее – Ольга. На столе стоял торт. Через секунду до Решетникова дошло – вот с кем роман у его сына. К облегчению от того, что сын оказался нормальной сексуальной ориентации, примешалась и отцовская гордость. Однако, взглянув на потемневшее лицо жены, он понял, что от комплиментов сыну следует воздержаться.

Саша, занимая место за столом, сказал:

– Она меня уговорила признаться, потому что знает, какой это удар по отцу.

Решетников сел рядом с Ольгой. Саша поставил перед ним чашку и тарелку с куском торта.

– Дай мне лучше пива, – сказал Решетников.

– Ты будешь пить? – спросила Ольга с оттенком осуждения.

– Ну у меня сын еще днем геем был, так что как-то полегчало.

– Уж лучше бы... – пробормотала Ольга и поджала губы.

Решетников налил пива в чайную чашку. Ольга заговорила снова:

– Разговариваем об учебе в основном. Учится Саша хорошо.

– В отличника, значит, влюбились? – Решетников с удовольствием опустошил чашку и удовлетворенно выдохнул. – Саш, тебя не смущает разница в возрасте? – И добавил, обращаясь к Ольге: – Нормальный отцовский вопрос.

– Мама старше тебя на четыре года, – ответил Саша.

– Спасибо, сынок, напомнил, – проговорила Ольга.

Решетников посмотрел на Красовскую:

– А вы на сколько старше?

– На шесть, – ответил за нее Саша.

– На семь, – поправила Анна.

– Мне с ней хорошо, – сказал Саша.

– А вам с ним? – спросил Решетников.

– Я люблю вашего сына, – ответила Анна.

– Как нас учит в таких случаях поступать классика? Закон так просто говорит: уволить вас из школы за растление, – сказал Решетников, ни к кому не обращаясь.

– Вы сообщите в школу? – спросила Красовская.

– Да, – немедленно заявила Ольга.

Решетников возразил:

– Нет. Мы попытаемся это дело как-то решить внутри семьи.

– Вы же педагог, – продолжала стоять на своем Ольга, –

мы вам ребенка доверили, а вы...

– С греческого «педагог» – это «опекающий мальчика».

Так что тут все точно, – произнес Решетников.

– Идиот, – отрезала Ольга.

– Не самое лучшее произведение Достоевского, – парировал Решетников и услышал знакомый голос гения: «Лучше напиши, говнодел».

Ничего не ответив, Ольга встала и вышла из кухни.

– Значит, на сегодня хватит, – резюмировал Решетников. – Саша, проводишь... учительницу, можно вас так называть? Сегодня ночуешь дома, радуешь маму.

– Спасибо. – Анна поднялась и в сопровождении Саши направилась в прихожую.

– Что делать с этим? – спросила Ольга, когда за ними хлопнулась дверь.

– Первая любовь... – Решетников развел руками, изображая беспомощность.

Ольга молча отвернулась и вышла.

В эту ночь Решетников сел писать свой сценарий. Но дальше названия «Преступление и наказание» дело не двигалось. Состоялся новый разговор с автором бессмертного романа.

– Это что же, Федор Михайлович, вы меня прокляли?

– Нет, ты сам во всем виноват.

– Это из-за вас мне не пишется?

– Нет, сам виноват. Пиши про то, что болит. Про себя пиши, ты персонаж. Страдай и записывай. Все.

– Да что вы заладили «страдай да страдай». Нельзя без этого разве?

– Слава богу, никак, – ответил гений.

* * *

Наутро Решетников наблюдал в монитор пресс-конференцию Рудова.

– Мне было выслано это видео еще раньше, от моих конкурентов на выборах, от двоих сразу, предупреждали, что, если я продолжу баллотироваться, они его выложат в интернет. Я продолжил, они выложили. Поэтому показываем тем, кто еще не видел, – говорил Рудов, в то время как журналисты просматривали пресловутую видеозапись.

В кабинет к Решетникову вошла Даша.

– Мы взломали его компьютер, там много интересного. Одно видео я выслала вам. Посмотрите.

– Хорошо, – ответил Решетников.

Даша не уходила.

– Сейчас посмотрите.

Решетников открыл видеофайл.

На записи Рудов в гостиничном номере самолично устанавливал камеру, которая зафиксировала дальнейшее. Постучавшись, в номер вошла горничная, Рудов подошел к ней, что-то говоря – звука слышно не было. И вдруг начал хватать ее и лапать. Было видно, что горничная пытается вырвать-

ся, Рудов же ударил ее и швырнул на кровать. Все же девушке удастся ударить его в пах и выбежать из номера, оставив смеющегося Рудова на кровати.

– И что? Ну упырь, они все там хороши, – сказал Решетников, остановив запись. – Зачем ты это мне?

Даша молча вышла из кабинета. Из задумчивости Решетникова вывело появление Ольги в переговорной.

– А тебе что здесь еще надо? – досадливо пробормотал он и включил микрофон.

– Здравствуйте. Вы еще не уехали? Вам нужно более длительное алиби?

– Не знаю, что мне нужно. – Ольга села на диван. – Иногда мне кажется, что я бы просто ушла от мужа, и все. Но потом я понимаю, что нет, не могу. Вот если бы можно было как-то две жизни прожить, посмотреть, с кем лучше. Вы так не можете?

– Могу, – ответил Решетников, сдерживая злость.

– Мне нужно понять, что делать дальше. Это же не страсть, нет, страсть есть, но не она диктует нам... это... может, я люблю его? И пора менять все?

Решетников немного помолчал и сказал:

– Давайте вы пока на два дня съездите, если почувствуете, что надо больше, мы сделаем вам длительное алиби, устроим вторую жизнь.

– Спасибо.

– Счастливого пути.

Наблюдая, как за женой закрывается дверь, Решетников уже не мог сдерживаться и крикнул:

– Нет, ну какая же ты тварь, Оля!

В приступе ярости Решетников начал бить по клавиатуре кулаком, забыв, что на паузе стоит только что полученная от Даши запись. Заставив себя успокоиться, Петр переключил внимание на пресс-конференцию Рудова, которая шла своим чередом. По лицам всех сторонников будущего депутата было видно, что она проходит вполне успешно.

Решетников услышал вопрос журналиста:

– Вы уверены, что это ваши конкуренты подстроили? Все-таки это серьезные обвинения.

– Я просто задаю один вопрос, и вы его задайте: кому выгодно? – отвечал Рудов, лицо которого было исполнено праведного негодования.

Решетников еще раз промотал запись, присланную Дашей. «Да ты, дружок, натуральный извращенец», – пробормотал он. И, почти не колеблясь, принял решение, которое стало для него роковым.

В этот момент на экране, где раньше шла демонстрация ролика с девицами в латексе, начало демонстрироваться видео с горничной. Журналисты, помощники Рудова, сотрудники «Алиби» замороженно смотрели на экран. Поняв, что что-то пошло не так, Рудов обернулся и понял причину всеобщего оцепенения.

Все наблюдали, как побагровевший Рудов под смех жур-

налистов покидает помещение.

Через несколько секунд Решетников получил СМС: «Тебе конец».

Петр прекрасно осознавал все грозящие ему последствия. Но сейчас все в нем клокотало от ярости. Обида, нанесенная женой, требовала возмездия. Пусть он не мог сейчас наказать ее, но защищать такого подонка, как Рудов, он, определенно, готов не был.

Глава 3

Ночью Решетников просматривал список постояльцев гостиницы, в которой ночевала его жена. Для начала он вычеркнул всех женщин и детей, оставив только мужчин, живущих в гостинице без сопровождения членов семьи. Всех, кто предположительно мог оказаться любовником Ольги, он стал искать в соцсетях. Кое-какие вводные данные у него были: у мужчины жена и двое сыновей – это сузило круг поисков до двух фамилий «Завадский» и «Смирнов». Думать больше было нечего. Завадский – тридцатилетний актер, находящийся, что называется, на пике популярности. Тем более что Смирнов оказался малопривлекательным мужчиной лет пятидесяти, да и жил он в Сочи, а в Выборг приехал в командировку.

Значит, Завадский – известный актер, играющий в романтических комедиях и транслирующий населению, как важно быть верным мужем...

Решетников взял со стола фотографии других людей и опустил их в шредер, не отрывая глаз от изображения Завадского. Затем взял телефон и набрал Жданова.

– На Раскольниково надо Завадского. И только. Я под него пишу, – заявил он, едва тот ответил на звонок.

– Что? А чего так поздно-то?

Решетников не ответил и повторил:

– Завадского нужно, хорошо? И я бы хотел с ним встретиться, поговорить над образом, как можно быстрее, сделайте?

– Давай утром, хорошо?

– Хорошо, но – чтобы Завадский, – настаивал Решетников.

– Я понял, понял. – Жданов отключился.

Решетников отправил в измельчитель фото Завадского. В этот момент в квартире отключилось электричество – скорее всего, выбило пробки. Листы застряли в щредере. Подсвечивая дорогу телефоном, Решетников вышел в прихожую и подошел к щитку. Действительно, пробки. Переключив тумблер, он вернулся в кабинет, вынул из шкафчика со своими наградами бутылку дорогого коньяка и устроился на диване.

* * *

В этот раз Достоевский был явно не в духе:

– Что ты ходишь ко мне? Напьешься и ко мне, я тебе что, психотерапевт?

– Может, я их убью, сяду в тюрьму, как вы, потом напишу что-нибудь из подполья, а?

– Идиот. Я не за убийство сел.

– Ну вы же тюрьму благодарили. Вдохновение через страдание приходит, так же? – Решетников покачал головой, явно не согласившись. – Моя жена трахается с Завадским, –

произнес он после паузы.

– Радуйся, что просто с Завадским. А не с Маяковским или Чеховым.

– И все равно. Мне больно. Я унижен, немного раздавлен.

– Вот и пиши про это, кровью своей пиши, но чтобы весело, как ты умеешь. А теперь иди, спи, а то всю ночь со мной тут просидишь, тебе спать надо и бухать меньше. И берись за работу. Начинай писать. Серьезно.

– Благословили? – спросил Решетников.

– Да хорош уже, меня кто благословлял? Долги брата? Пиши, – ответил Достоевский.

* * *

На следующий день Решетников приехал из офиса пораньше, зная, что Ольга должна уже быть дома. В прихожей стоял чемодан.

– Я дома, ты где? – крикнул он с порога.

– Здесь, – донесся Ольгин голос из спальни.

Жена сидела за монтажным столом. Решетников увидел, что она поставила на паузу видео с Завадским. Петр почувствовал, как болезненно сжалось сердце.

– Ты хотела со мной поговорить.

– Я все время об этом думала, не могла... работать. С этим что-то надо делать, меня трясет.

– Ты о чем?

– Твой сын встречается с учительницей!

Решетников чуть слышно с облегчением перевел дух:

– А, ты про это...

Ольга резко развернулась к нему лицом:

– Ты так реагируешь, как будто это... А это, между прочим, жизнь твоего ребенка, и надо бы посерьезней к этому относиться...

– Да я понял, понял. Конечно, давай решать проблему.

– Я все эти дни не могла ни о чем думать, кроме как о Саше и этой...

– Ну, вы хоть все сняли?

– Да какая разница, ты понимаешь, что у нас большая проблема? Ты с ним говорил?

– Сегодня собирался. Мне тоже нужно время...

– Решетников, тебе все по барабану. Конечно, зачем говорить с сыном, можно просто переброситься шутками и уйти в разные комнаты – отличная семья.

– А что у нас, не отличная семья? – Решетников подошел к жене и встал у нее за спиной.

– Мы должны поговорить с этой училкой. Сегодня же. Сейчас же.

Решетников согласно кивнул и позвонил Красовской, чтобы договориться о встрече.

Анна жила в простенькой, но уютной однушке, заставленной комнатными цветами. К их приходу она купила торт.

– Извините, у меня не убрано, не ждала гостей, – сказала

она, пропуская Решетникова с женой в квартиру.

– Мы гости?

Ольга была холодна и строга.

– Съемная квартира? – спросила она, оглядываясь.

– Да.

Красовская проводила их на кухню, где уже был накрыт стол с тортом.

– Ты можешь помягче? – вполголоса обратился к жене Решетников, когда они остались одни.

Ничего не ответив, Ольга взяла в руки рубашку, висевшую на стуле. Она вышла из кухни и обратилась к Анне более мягко:

– Я нашла рубашку Саши. Я заберу, постираю. Не против?

Красовская растерянно кивнула.

– Если есть еще вещи, давайте.

– Нет. Рубашку он забыл, да.

Разглядывая Анну, пока она разливала по чашкам чай, Решетников подумал, что понимает, почему его сын влюбился в нее. Потянувшись за тортом, он поймал укоризненный взгляд жены, но все же взял кусок и начал с аппетитом есть.

– Анна Николаевна, у нас возник конфликт интересов: у вас большая и чистая любовь к Саше, нам же важно будущее нашего сына, – сказала Ольга, положив на стол сцепленные руки.

– Я правильно понимаю, что со мной у Саши будущего нет? – мягко спросила девушка.

– Скажем так, не о таком будущем мы мечтали. Просим понять нас как родителей. Это единственный сын. Мы бы хотели разрешить ситуацию полюбовно.

С минуту все молчали, Решетников наслаждался тортом.

– Давайте поступим так: вы расстаетесь с нашим сыном, и мы все продолжаем жить дальше, – продолжала Ольга.

– Нет, – тихо произнесла Анна. – Ладно я, но вы про Сашу подумали? У него же чувства.

– Совратить мальчика и говорить, что он тебя любит, – вот это педагогика.

– Я никого не совращала.

– Я больше говорить с вами не буду. Если вы не отстанете от него, я вас уничтожу.

Решетников мягко тронул жену за руку и тихо сказал:

– Давайте без угроз.

Ольга отдернула руку.

– А как? Ты же видишь, она не хочет от него отвязываться.

– Да это не я, а он ко мне привязался. Он любит меня.

И это надо принять как факт, – заявила Анна, взглянув на Ольгу сверкнувшими глазами.

– А вы просто терпите любовь, да?

– Полтора года он за мной... а вы ничего не видели! Вы совершенно не знаете своего сына, совершенно. Учится хорошо, и ладно. А то, что он едва руки на себя не наложил, вы об этом знаете? Нет. Только я знаю.

– Ну понятно, сейчас вы так все вывернете, что мы вас

благодарить начнем и на ремонт класса скинемся, – усмехнулась Ольга.

Решетников спросил:

– Какой вы видите выход из этой ситуации, Анна Николаевна?

– Я бы оставила все как есть. Подождите, не перебивайте. Дайте ему окончить школу, поступить, и, если это просто влюбленность в учительницу, он сам меня оставит. А вы сохраните хорошие отношения с сыном.

– Какое благородство!

– Сейчас он любое вмешательство в его личную жизнь воспримет очень агрессивно, устроит бунт.

– Ничего не устроит, я знаю своего ребенка.

– Родители – это последние люди, которые знают своего ребенка, – ответила Красовская.

В бессильном гневе Ольга повернулась к мужу:

– Нет, а ты чего молчишь?! Скажи ей что-нибудь этакое, удиви нас.

– Мы должны помнить, что интересы Саши здесь главное всего, – примирительно произнес Решетников.

– И какие его интересы? Спать с учительницей, давай же скорее их удовлетворим. А когда захочет наркотиков, купим ему первый косяк, так же поступают правильные родители?

– Не сравнивайте... – попыталась вмешаться Анна.

Но Ольга не дала ей договорить.

– Достаточно, – отрезала она, отодвигаясь от стола вместе

со стулом. – Мы вас выслушали. Вы нас тоже. Если вы не порвете с Сашей, как-нибудь аккуратно, то я сделаю так, что учителем вы больше работать не будете.

Готовая разрыдаться Красовская поднялась и вышла.

Ольга положила рубашку сына в свою сумку и направилась к выходу. Анна, справившись с эмоциями, вышла их проводить.

– И да, мы найдем другого репетитора, – сказала Ольга с порога.

– Не делайте этого.

Не слушая девушку, Ольга вышла за дверь. Решетников последовал за женой.

– Я уволю ее из школы, – сказала Ольга, когда они уже сидели в машине.

– Отлично, – ответил Решетников, – устрой скандал, это гораздо больше сблизит нас с сыном. Переходный возраст пережили нормально, так хоть в конце школы покуражимся.

– А что предлагаешь делать? Ничего?

– Не надо форсировать.

Ольга молча смотрела на дорогу.

* * *

Вечером, паркуя машину во дворе своего дома, Решетников увидел, что Ольга сидит в своей машине. Он постучал в окно.

– Я сижу здесь уже час и не могу подняться в квартиру. Он уже дома, видела, зашел, – начала Ольга, когда он сел к ней в машину. – Я не знаю, что ему сказать. Сказать надо же, я же мать, а что? Он и сам ждет разговора, а я в растерянности. Это ведь первая наша серьезная проблема с Сашей, и мы оказались полностью не готовы.

– Пошли, – сказал Решетников и подбадривающе похлопал жену по руке.

– Мы хорошие родители? – сказала Ольга, посмотрев на мужа. – Вот честно, без шуток.

– Думаю, на этот вопрос ответ даст только время.

Ольга покачала головой:

– Только Саша на это может дать ответ.

– Саша на это сможет ответить только через время, – сказал Решетников. – Когда меня ставили в угол, в детстве, я бы сказал, что мои родители самые ужасные, но сейчас я понимаю, что лучших и нет, наверное. Мы все делаем правильно.

– Что мы ему скажем? – спросила Ольга, выходя из машины.

– Найдем что. Это как рожать – не умеешь, а рожаеть.

Импровизация.

Они поднимались в лифте. Решетников долгим взглядом смотрел на хранившую молчание жену и вдруг произнес:

– Ты отдаляешься. Эмоционально. Хотя мне может казаться.

– Нет, почему. Ты прав.

Решетников не ожидал такого ответа. Он пожалел, что начал этот разговор. Но теперь его нужно было продолжать:

– Это просто кризис семейных отношений. Какие там года, третий, пятый, седьмой, четырнадцатый? У нас сколько? Надо сходить в ресторан, съездить вместе на отдых...

– Может быть, – в задумчивости обронила Ольга.

Они вышли из лифта.

– Может быть, какой-нибудь пеший тур, – продолжал приободренный Решетников. – Километров семьсот пройдем и станем...

– Давай с Сашей разберемся, подумаем, как вместе проведем время, придумаем что-то оригинальное.

Войдя в квартиру, они увидели Сашу, который, по всем признакам, как раз собирался выходить.

– А ты куда собрался? – спросила Ольга.

Вместо ответа Саша прошел в ванную и вернулся с рубашкой, которую они принесли от Красовской.

– Я нашел это в стирке.

– Правильно. А где быть грязной одежде? – Ольга стояла в прихожей, не разуваясь.

– Она была дома у Анны Николаевны.

– Ты до сих пор называешь ее на «вы», как романтично.

– Вы были у нее дома?

Решетников решил вмешаться:

– Да, мы были у нее, мирно поговорили, выпили чай, съели торт. Очень вкусный торт. Ты его ел?

Саша остался глух к шутливо-добродушному тону отца.

– Кто вас просил?

– Нас не надо просить, мы твои родители, – с гневом ответила Ольга.

– Что вы ей сказали?

– Ничего такого, просто поговорили.

– Ты не можешь просто поговорить, мам. Ты если говоришь, значит, там ультиматум.

Решетников сказал примирительно:

– Саш, все хорошо. Клянусь.

– Хорошо? Она не берет трубку. Даже цветы не взяла. Молодцы.

Саша прошел мимо матери и вышел за дверь.

– Кажется, у нее сегодня день рождения... – Решетников осекся под негодующим взглядом жены, резко повернулся и выбежал вслед за сыном.

Он нагнал Сашу уже во дворе.

– Не волнуйся, Анна Николаевна не согласилась на условия мамы. Она тебя любит и не даст в обиду.

Саша молча продолжал идти.

– Я тебе сейчас кое-что расскажу, ты не перебивай, выслушай.

Видя, что его никто не собирается перебивать, Решетников продолжал:

– Правильно. Ты молчи. Я поговорю. Нет, я не буду рассказывать никаких историй, нет. Даже напротив, я за то, что-

бы ты продолжал отношения с этой Анной Николаевной. Нет, я считаю, что это ошибка. Но это та ошибка, которую надо совершить, из которых будет складываться твой личный жизненный опыт.

Решетников увидел, что сын прислушивается к его словам.

– Но пора начать жить мудрее. Ну что ты этим конфликтом с мамой решишь? Ничего. Только ссоры, потом будут невроты. Слушай меня, как надо поступить тебе в этой непростой ситуации. Значит, так, маме ты говоришь, что повинешься, а сам тихо, украдкой встречаешься со своей Анной Николаевной. Покупаешь второй телефон, там будет вся ваша личная переписка, об этом телефоне никто не должен знать, даже я.

Саша не отвечал. Они все шли рядом. Решетников продолжал говорить:

– Но, чтобы ты знал, ничего серьезного не выйдет. Но я помогу тебе совершить эту ошибку, под моим присмотром мы избежим серьезных последствий.

Выдержав паузу, Решетников произнес:

– Анна Николаевна как-то в сердцах заявила нам, что мы тебя не знаем, с этим я соглашусь, но добавила, что ты хотел покончить жизнь самоубийством. Это имело место быть?

Саша остановился и посмотрел на отца:

– Да. Так она думает.

– А на самом деле нет?

– Ладно, надо объяснить, а то... – Саша замялся. – Просто я хотел обратить на себя внимание Анны Николаевны, а она никак не сдавалась, даже пригрозила, что прекратит занятия. Ну я тогда и прикинулся, мол, в семье все не так, мысли о суициде. Ну и через это как-то сблизились.

– Ты прикинулся суицидником и добился ее? – резюмировал Решетников.

Саша немного помолчал.

– Ну да.

– Здорово. Неплохой сценарий ты придумал. Давай ко мне в соавторы? – перешел Решетников на шуточный тон.

– Я подумаю. – Губы Саши тронула легкая улыбка.

– Ну так как тебе мой план?

– Я не буду лгать. Вы меня так воспитали.

– Но ты уже лжешь. Про суицид.

– Нет, это другое.

– Нет, это именно то, – твердо сказал Решетников. – Ты хочешь, чтобы мама сходила с ума? Да, лучше было, когда она ничего не знала, но теперь другая ситуация, и сейчас пора вспомнить о лжи, которая во благо.

– А ты много врешь, во благо?

– В меру. Вот сейчас, например, вру маме, что не знаю, что она мне изменяет, – произнес Решетников с улыбкой.

– Как с тобой мама живет? – Саша определенно не принял всерьез слов отца.

Решетников пожал плечами:

– Можно я совру маме, что мы хорошие родители? Ну как будто ты так сказал мне. Это во благо ложь.

– Это не ложь.

Саша улыбнулся и пошел по направлению к дому Анны.

– Мы хорошие родители. Так и сказал, – объявил Решетников Ольге, которая с волнением ожидала его прихода.

– Он у нее?

– Нет, ушел с одноклассниками в кино на ночной сеанс.

– Спасибо, – сказала Ольга и обняла мужа. Решетников обнял ее в ответ.

Работа над «Преступлением и наказанием» начала спориться. Решетников бодро стучал по клавишам, как вдруг замер, увидев, что машинально вместо фамилии «Раскольников» написал «Завадский». Он закрыл ноутбук и набрал Жданова.

– Ну что с Завадским?

– С Завадским никак, – ответил Жданов. – Он не Раскольников, нет. Никак не подойдет.

– Завадский очень даже Раскольников, – возразил Решетников. – Современный.

– Раскольников студент, бывший, ему двадцать три года. Завадскому тридцать, и он выглядит на них.

– Поймите, – горячо заговорил Решетников, – сейчас все помолодели, сейчас человек в двадцать три года – это вообще сопляк, школьник, он любит тусоваться и трахаться, если дают. Все, больше его ничего не интересует. И только к

тридцати люди начинают немного взрослеть. Современный Раскольников – это возраст Завадского.

– Я понимаю, вам нужно от кого-то оттолкнуться, но...

Решетников не дал Жданову договорить:

– Это то условие, при котором я буду писать.

– Вы подписали договор, вы будете писать.

– А я не буду! Я в психушку лягу, и все, никакой договор не работает, нервный срыв, хотите?

После короткой паузы Жданов произнес:

– Давайте спокойно.

– Вы предложите это каналу, уверен, понравится. Даже скажите, что это ваша идея.

– Допустим. Но тогда и у меня тоже просьба: давайте побольше постельных сцен, народ это любит, я это люблю. Но без излишней обнаженки, чтобы эротично и нравоучительно. И школьникам, и учителям.

Удовлетворенный Решетников снова раскрыл ноутбук.

* * *

На следующий день в агентстве вновь появилась Ольга.

«Пора бы мне к этому привыкнуть», – подумал Решетников, чувствуя, как при виде жены, сидящей на диване в переговорной, в очередной раз покрывается холодным потом.

– Здравствуйте, что у вас? – собравшись с духом, произнес он.

– Я решила все рассказать мужу. Вот хочу сообщить вам лично.

– Не стоит рассказывать, – прокашлявшись, ответил Решетников.

– Вы знаете, тут все странно. Я приехала с полной уверенностью в том, что остаюсь в семье, у нас сын, у нас... Понимаете, он очень хороший, он отец, настоящий. Я не могу ему врать.

– Можете. И нужно, если любите. Это ложь во благо.

– Я хочу, чтобы все было честно, чтобы мы начали заново.

– Ничего заново не начнется.

– Почему?

– Я бы такого не простил. Мужчины устроены по-другому, измена для нас – это...

– Я много думала, я решила. Спасибо вам, – сказала Ольга, вставая.

– А если не простит?

– Если не простит... Это будет справедливо.

Дверь за Ольгой закрылась. Решетников еще долго сидел за столом, обхватив голову руками.

* * *

После мучительных размышлений Петр решил, что без участия сына он не сможет вернуть Ольгу. Саша отнесся к предложению отца с интересом. Он позвонил матери и ска-

зал ей то, что просил Решетников.

– Мам, ну что вы натворили?! Не надо, ты слушай, хоть раз послушай меня! Вы влезли в мою личную жизнь! Личную! Она у меня была! А теперь... да, она решила со мной порвать!

– Расстались? Саша, ну ты не переживай, не надо...

Решетников, слушавший разговор по громкой связи, отметил, что в голосе Ольги просквозило облегчение.

– Не переживать? Все! Да не надо мне... Мне надо...

Решетников дал знак Саше, что пора обрывать разговор.

Саша нажал отбой и повернулся к отцу.

– Нормально?

– Талант, – ответил Решетников. – Надо закрепить успех.

У Саши зазвонил телефон.

– Мама звонит, – сказал он.

– Не берешь трубку до вечера.

– Откуда ты так все знаешь, как надо? – улыбаясь, спросил Саша.

Решетников не ответил.

– Вечером мама придет домой, ты будешь сидеть в комнате, делать уроки. На ноутбуке будет играть какая-нибудь грустная музыка, романтик колекшн, как говорится. Мама зайдет в комнату, начнет расспрашивать, чем ты занимаешься. Ты сначала не отвечаешь, показываешь всем видом, что обида твоя велика. Мама начнет говорить, что мы тебя любим, переживаем и все такое. Ты ответишь спокойно, рассу-

дительно, с легкой грустью: «Мама, я понимаю, что вы хотите мне лучшего, но есть ошибки, которые человек должен совершить». На это мама скажет тебе примерно следующее: «Саша, поверь мне, эту ошибку совершать не надо. Последствия могут быть очень большими. Поверь мне. Есть моменты в жизни, когда ребенок просто должен согласиться с родителями. Просто сделать то, что они просят. А потом уже со временем ты поймешь, что так было лучше». И ты согласишься. Понятно?

Саша сосредоточенно кивнул.

– Потом сядь рядом с мамой на кровать, возьми ее за руку и скажи: «Хорошо, мам. Я все сделаю, как ты просишь». Наверняка мама заплачет. Потом вы еще немного поговорите в таком духе, она тебя поцелует и, спокойная и счастливая, выйдет. Занавес.

Вечером Саша позвонил Решетникову и сообщил:

– Получилось.

– Теперь у тебя вся жизнь впереди. Надеюсь, не вся с Анной Николаевной, но ошибайся, я не против. И называй меня «отец».

– Тебя мама ищет, ты чего трубку не берешь?

Решетников ответил:

– Готовлю ей романтический сюрприз. Все, скорбный вид и делать домашку.

Решетников прекрасно понимал, для чего Ольга хочет его увидеть. И он действительно приготовил жене сюрприз.

Он позвонил жене, изменив голос:

– Здравствуйте, это из агентства.

– Что такое?

– Вы должны приехать в гостиницу «Космос», номер восемьсот тринадцать.

– Зачем?

– Вы должны это увидеть.

Решетников боялся, что Ольга откажется, но она приехала. Дверь восемьсот тринадцатого номера была приоткрыта. Она осторожно заглянула в комнату. В глаза бросился столик с шампанским вином и фруктами. Пройдя в глубину номера, она увидела обнаженную молодую женщину, которая занималась любовью в позе наездницы. Ничего не понимая, Ольга несколько секунд наблюдала эту сцену. Тут девушка отклонилась в сторону, и стало видно, что мужчина с ней – Решетников. Увидев его, Ольга мгновенно метнулась в сторону, попятилась к двери и выскочила из номера.

Решетников ожидал чего угодно, но только не такой реакции. Он рассчитывал, что жена, застукав его, устроит скандал, они проорутся, и стена между ними рухнет. Тоскливая тревога все сильнее охватывала душу.

Он оделся, выпроводил актрису и помощников, не зная, что делать дальше. Вдруг по «рабочему» телефону позвонила Ольга.

– Зачем вы это мне показали? – Она плакала.

– Почему вы сразу ушли?

– Потому что иначе пришлось бы устраивать скандал, или молчать, или... это было бы ужасно в любом случае. Ужасно.

– Вы плачете? – Решетникову стало немного полегче.

– Да я рыдаю. Я изменяю, муж изменяет, разве это семья?!

– И теперь начните с ним заново.

– А если я теперь не хочу?

– Вы хотите, вы просто расстроены. Он был бы так же расстроен, если бы узнал о вашей измене. А теперь он не знает, что вы знаете о его... чувства вины у вас нет, а это было главное. Вы можете начать заново, поверьте мне.

– Нет, правильно будет разойтись. Мы уже не семья.

Рыдания душили Ольгу, она отключила телефон.

Решетников был растерян – весь его четкий план развалился.

– Твою мать, Оля, ну почему с тобой всегда все не так! – крикнул он, глядя на себя в зеркало. В ярости он швырнул в свое отражение чашку. Зеркало разбилось. Но легче ему не стало. – Ты дура, дура! – вскричал он, обращаясь к молчащему телефону. И добавил, сев на кровать в изнеможении: – А я идиот...

Перед ним возникло лицо Достоевского.

– Ну, ты дурак, – сообщил классик Решетникову. – Но персонаж из тебя отличный, говорю. Про себя пиши, про себя.

Глава 4

Вернувшись домой, Ольга услышала, что из ванной доносится плеск воды – Саша принимал душ. Все еще под впечатлением сцены в гостинице она медленно побрела в комнату. Тут зазвонил телефон сына. Ольга вошла в его комнату и взяла телефон в руки. Звонила Красовская. Ольга нажала на ответ и стала молча слушать.

– Саш, привет, ну как там с мамой, повелась? Ты чего молчишь? – говорила Анна.

– Повелась, Анна Николаевна, мама повелась, – проговорила Ольга и после паузы добавила: – Ну что молчим? Ты бы, Анна Николаевна, научила мальчика брать с собой телефон в душ или сменить твоё имя в телефоне, ну самым простым вещам, а?

Ответа не было.

– Что молчишь? Как-то хочется стереть тебя в порошок. Но скажу честно, пока не представляю как. Скандалов устраивать тебе не буду, но что-то придумаю.

– А может, попробовать не влезать в личную жизнь сына? – сказала Красовская и отключилась.

Едва сдержавшись, чтобы не разбить телефон об стену, Ольга ушла в свою комнату и закрыла дверь. Достала свой телефон, набрала Завадского. Ждать пришлось довольно долго. Наконец он ответил:

– Я вас слушаю.

– Мне очень нужно поговорить с тобой! Очень! – начала

Ольга дрожащим голосом.

– Я сейчас очень занят, – отстраненно и сухо ответил он. –

Все вопросы решим завтра, в рабочем порядке.

Из трубки доносились детские голоса. Она не успела ответить, Завадский отключил телефон.

Через пару минут без стука вошел Саша.

– Мам, давай договоримся: ты больше не берешь мой телефон, кто бы ни звонил, во-вторых, не надо лезть в мою личную жизнь, я буду с ней, понимаешь? И в-третьих, если вы что-то сделаете, как-то помешаете нам быть вместе, я покончу с собой.

Ольга не верила своим ушам. Особенно поразил ее спокойный тон сына.

– Я люблю тебя, мам, – продолжал он, подошел и обнял мать.

Пришло СМС. Ольга встrepенулась и схватила телефон. Сообщение было от мужа: «Оль, я на съемках, буду завтра, все норм».

Наутро Решетников снова сидел за столом перед микрофоном и смотрел на свою жену. Нелепая традиция продолжалась.

– Доброе утро, – сказал Петр, отхлебнув из банки энергетика. Он почти не спал прошлой ночью.

– Здравствуйте. Хочу спросить: а откуда вы узнали об

этом? О моем муже и этой актрисе?

Это был неожиданный вопрос. Пока Решетников лихорадочно обдумывал ответ, Ольга спросила:

– Вы что, следите за моей семьей?

– Нет, – неуверенно произнес он.

– А откуда вы узнали про мужа?! Я вас просила? Нет. Что это такое?

– Просто я хотел вам помочь, мне нужно было понять, почему у вас так происходит в семье.

– Вы психолог, психотерапевт? Кто вам давал разрешение влезать в мою жизнь? В жизнь мужа?

Решетников молчал. В голову ничего путного не приходило.

– Что вы молчите?!

Решетникова осенило:

– Ваш муж вчера обратился ко мне с просьбой сделать ему алиби.

Он наблюдал, как Ольга поменялась в лице и застыла в молчании. Решетников терпеливо ждал.

– Давно это у них? – заговорила она.

– Нет. Это было первый раз, поэтому он и обратился ко мне, он долго не мог решиться.

– И вы решили его сдать мне?

– Да. Теперь у вас один-один. Вы можете жить дальше.

– И что, у кого-то это работает? Квиты и живут дальше?

– Да. Оба оступились, оба...

– Я не могу так, это... нет, мы должны разойтись, чтобы каждый пошел своей дорогой, это однозначно.

– У меня есть другой вариант событий.

– Какой?

Решетникова била дрожь. Ему было невероятно трудно произнести:

– Я предлагаю вам жить на две семьи, наша фирма сделает алиби, так что ваш муж ни о чем подозревать не будет, вообще. А вы присмотритесь, где вам лучше. Потому что, по моему собственному опыту, когда люди уходили из семьи, где много прожили, они уже вскорости очень сильно начинали жалеть, но вернуться назад не могли. У вас же есть такая возможность.

Ольга помолчала в раздумье.

– А что делать с мужем после всего этого? Как реагировать, как себя вести?

– Как обычно. Он не знает, что вы его видели. Так что все как обычно.

– Но он не ночевал дома, это первый раз, чтобы...

– Он что-нибудь соврет, скажет, что потерял телефон... ваш номер наизусть не помнит...

– Действительно не помнит, у меня автоплатеж, даже я с трудом его вспоминаю.

– И вообще, он у вас творческий человек, может сказать, что думал, что вам позвонил.

При этих словах Ольга грустно улыбнулась.

– А вы ему поверите. Не сразу, но поверите. А с вашим... любовником как можно больше времени проводите вместе, вы должны его узнать, сейчас у вас романтика, страсть. Вы должны в нем разочароваться, понимаете?

– А если нет?

– Тогда смело уйдете, зная, что все будет хорошо. Идите.

Решетников отключил микрофон. Едва дождавшись, когда за женой закроется дверь, он, охваченный бессильной яростью, начал крушить мебель в своем кабинете. Немного успокоившись, он судорожно стал придумывать, как поступить дальше.

Через час Решетников звонил в дверь Анны Красовской. Она была дома – занималась с учеником.

– Нам необходимо сердечно поговорить, – сказал ей Решетников.

– Я не могу сейчас. У меня ученик.

– Я подожду. На кухне. Торт еще остался? Ну, надо поговорить, Анна Николаевна, я грубить не буду. А поговорить надо.

Красовская без возражений проводила его на кухню.

– Освобожусь через двадцать минут, – сказала она и вышла.

Решетников успел заварить чай и съесть добрый кусок торта. Красовская проводила ученика и зашла на кухню.

– Анна Николаевна, вот чай, я вам заварил.

Решетников пододвинул чашку. Красовская села за стол,

но к чаю не притронулась. Смотрела на Решетникова серьезно и пристально.

– Не надо так строго смотреть на меня, я все-таки единственный, кто реально разруливает эту ситуацию, все остальные участники встали в позу, и все.

– Я слушаю. Саша через два часа придет. У вас мало времени.

– Анна Николаевна, мне всегда хотелось экранизировать «Ромео и Джульетту». Я бы написал именно трагедию – они не отравились, а продолжили жить, отравляя каждый день самих себя и своих близких. Разочаровались друг в друге полностью. Вот это была бы честная история, вот ее бы уже в школьную программу. Мы слишком романтизируем любовные отношения подростков. Мы же знаем, что будет дальше.

– Я не расстанусь с ним, – сказала Анна, покачав головой. – Он покончит с собой.

Решетников возразил:

– Нет, вы не знаете моего мальчика.

– Это вы не знаете моего... – Она осеклась и продолжила спокойнее: – Он не похож на вас. Он другой.

– Предположим, что так, но главное следующее: моя жена собирается устроить невероятный скандал. Жечь напалмом решила. Все узнают о вашей связи с мальчиком, она жаждет едва ли не судить вас. В школе работать не будете, вам торжественно вручат волчий билет. Мне эта ситуация не нравится, я люблю компромисс. Но убедить ее не устраивать скандал

гораздо сложнее, чем убедить вас...

Красовская молчала, было видно, что она обдумывает услышанное.

– Что вы предлагаете? – наконец произнесла она.

– Скажите, о чем вы мечтаете?

Анна, которую этот вопрос застал врасплох, ответила не сразу, с долей смущения:

– Я... я всегда хотела быть писателем. Знаете... настоящим писателем.

– Понимаю, – мягко произнес Решетников, словно ожидал именно такого ответа.

Он положил на стол связку ключей.

– Вот ключи от вашей новой квартиры. Прекрасная квартира-студия, дизайнерская. Она, конечно, съемная, но уже завтра у вас будет собеседование. В одном из крупнейших издательств России. Все уже решено, нужно только явиться, пожалть руку и получить работу с приличной зарплатой. Вас ждет приятный коллектив, масса достойных холостых мужчин... И конечно, вы можете осуществить свою благородную мечту – стать одной из ведущих писательниц.

Красовская обхватила обеими руками чашку. Решетников видел, как она напряглась.

– Вступите в ипотеку, – говорил он, – и получите в пользование квартиру, машину и лучшую долю. Это если коротко.

Видя, что Анна продолжает молчать, Решетников добавил, стараясь говорить очень серьезно и веско:

– Анна Николаевна, мы с вами должны предотвратить третью мировую войну. Если не только сын любит вас, но и вы его, вы должны согласиться. Поймите, мать ничто не остановит на пути к мести.

Красовская вдруг как-то встрепелулась, подняла на Петра глаза и просто сказала:

– Хорошо.

– То есть вы согласны?

– Да.

– Тогда вам придется прямо сейчас встать и выехать. С переездом вам помогут.

– Вы все успели организовать, – удивилась Анна.

– У нас мало времени, через два часа к вам придет Саша. Телефон, кстати, придется сменить. Никто не должен знать, куда вы ушли, и ваш новый номер телефона. Соцсети также придется оставить в прошлом.

* * *

Вечером, вернувшись домой, Ольга увидела свет только на кухне. В квартире стояла непривычная тишина.

– Саша, ты дома?

– Его нет. Только я, – Решетников выглянул из кухни, – пиццу вот ем.

С минуту Ольга в нерешительности топталась в прихожей. Предстоял тяжелый разговор с мужем. Выдохнув, как перед

прыжком в ледяную прорубь, она решительным шагом зашла на кухню.

Решетников показал на коробки с пиццей.

– У меня много работы, поэтому заказал пиццу, каждому свою. Вот твоя с сыром, с говядиной Сашке. Ну а моей уже нет.

Ольга не ожидала, что муж будет вести себя так просто и буднично, словно ничего особенного вчера не случилось. Видя, с каким аппетитом Решетников уплетает пиццу, Ольга почувствовала нарастающее раздражение.

– Ты где был этой ночью?!

Решетников воззрился на жену с непонимающим видом.

– А, совсем закрутился, был уверен, что позвонил тебе и все объяснил. На площадку вызвали. Я же тебе СМС вроде отсылал?

– СМС? А позвонить?

– Я хотел. Телефон потерял.

– А с другого?

– Не помню я твоего номера наизусть, ты чего? Как автоплатеж подключил, я и свой забыл.

– Так просто: на площадке был?

– Да. Только недавно телефон восстановил, но вообще был уверен, что тебе звонил... А знаешь, обидно, что ты так волновалась, но не обратилась в полицию. А если бы действительно со мной что случилось, когда бы ты подняла клич? А? – закончил Решетников, улыбаясь. Ольга же на-

хмурилась, краснея от злости. – Я поговорил с Красовской, – поспешил сменить тему Решетников. – Она согласилась расстаться.

Ольга, мгновенно позабыв о своем гневе, присела за стол.

– Почему? Что ты сказал?

– Она оказалась сговорчивым человеком, я назвал аргументы, она согласилась. Ты недовольна?

– Нет, я, конечно, рада. Это очень хорошо.

– И не похвалишь?

– Молодец.

– Ну хоть что-то. Ладно, я работать, – Решетников поднялся, подошел к холодильнику, достал две банки энергетиков. – Ночка должна быть бессонной.

Растерянная Ольга молча смотрела вслед мужу.

Бодрым шагом Петр прошел в кабинет и приступил к работе над сценарием. Он постоянно невольно прислушивался, отдавая себе отчет, что Ольга захочет вернуться к разговору, который так страшил его.

Когда она вошла, Решетников сделал вид, что не замечает жену, поглощенный работой.

Ольга сказала, стоя у него за спиной:

– Я была в гостинице.

– В какой гостинице?

– В той самой, где ты трахался с актрисой.

Решетников немного помолчал.

– Допустим. И что ты там делала? – спросил он, не обо-

рачиваясь.

– Мне позвонили и попросили посмотреть. Я приехала и посмотрела. И все увидела. А теперь ты ведешь себя как ни в чем не бывало, как будто для тебя это как пирожок съесть. Ну давай, объясни мне что-нибудь, лапшу начни вешать, что это была репетиция...

– Я хотел скрыть и жить дальше, – просто ответил Решетников.

– Я тоже так хотела. Как ничего не видела. Но ты так себя ведешь, как будто ничего не произошло. Никакого чувства вины. Так не должно быть, у тебя любовница, а ты...

– У меня нет любовницы.

– Есть!

Решетников все не оборачивался.

– Измена была. Но это не любовница. Я просто подумал, что это вариант.

– Вариант чего?

– Сохранить нашу семью.

– Что? – опешив, воскликнула Ольга.

– Ты посмотри, как мы отдалились, когда мы были близки в последний раз? И физически, и... близки? Когда? Мы работаем, немного воспитываем сына, и все, близости нет – одни рефлексy. Меня это так злило, но я не мог с тобой поговорить, потому что... я не могу. И решил найти любовницу, как у остальных, чтобы напряжение снимать с ней, а жить с тобой. Я думал, это выход. Но, к сожалению, я люблю тебя.

И если не с тобой, то ни с кем.

При этих словах Решетников обернулся и встретился глазами с женой.

Где-то в квартире затрезвонил Ольгин телефон. Но она продолжала смотреть на мужа.

– Получается, это я виновата?

– Мы оба. Я понимаю, что тебе очень тяжело, не представляю, что было бы со мной, если бы я узнал, что ты... я понимаю. Но я не могу тебя потерять.

– Хорошо.

– Ты прощаешь меня?

– Хорошо, что мы поговорили наконец-то об этом.

Зазвонил телефон Решетникова. Он, так же как и Ольга, не реагировал, ожидая ее ответа.

– Возьми уже телефон, – сказала она.

Решетников не шелохнулся.

– Ты прощаешь меня?

– Да возьми уже трубку!

Решетников послушно ответил на звонок.

– Да. Да, я.

Ольга видела, как муж поменялся в лице и побледнел.

– Сейчас приедем, – коротко сказал он и положил трубку.

Ольга встревоженно ждала пояснений.

– Сашка вены порезал, в больнице сейчас.

В палату к сыну их не пускали.

– Он не хочет вас видеть, – сказал врач Ольге.

– И что? Он подросток, мы его родители. – Она отстранила врача и прошла в палату.

Решетников задержался и спросил у врача:

– Резал вены вдоль или поперек?

– Вдоль. По-настоящему. Перед этим таблеток наглотался, промывание делали.

Решетников стер со лба холодный пот и зашел за женой. Саша с перебинтованной рукой смотрел телевизор. На родителей даже не взглянул.

Ольга быстро подошла к сыну и попыталась его обнять.

– Саша, ты можешь ответить, что случилось?

Саша молчал, не сводя глаз с телевизора.

Голос Ольги срывался:

– Саша, давай-ка выползай из своей скорлупы, хочешь, чтобы тебя в психушку отправили?

Видя, что сын не реагирует, Ольга перевела глаза на мужа:

– Может, ты с ним поговоришь? Ты же отец, да? Это же твой сын, я ничего не путаю? Может, спросишь у него...

– Выйди, – перебил Решетников.

– Что? Зачем?

– Выйди. И мы с ним поговорим. Как отец с сыном, как

ты и хочешь.

Что-то в лице мужа заставило Ольгу подчиниться. Бросив взгляд на сына, она вышла.

– Ты повторяешь все ошибки отца. Мама об этом не знает, так что это останется между нами.

Саша выключил телевизор, но на отца по-прежнему не смотрел.

– У меня такая история была в десятом классе, летом. Звали ее Алена. Вожатая была в лагере, старше лет на пять. И страсть нас так и обуяла, меня точно. Я уговорил родителей остаться еще на одну смену, два месяца мы с ней... Я думал, что это и есть та самая любовь. Разъехались. И вот в одиннадцатом классе на каникулах я сорвался и поехал в ее город, нашел ее... Я горел, а она... она аккуратно мне объяснила... Я считал, весь мир меня предал. Вернулся домой и порезал вены. Родители сходили с ума, я превратился в овощ, как ты. С полгода в таком состоянии, но кое-как они меня вытянули. И я хотел тебя как-то уберечь от этих всех мук, когда через полгода ты поймешь, что твоя Анна Николаевна тебя не любит или ты ее. Между вами страсть, это не любовь, я сейчас даже рад, что все так получилось. Только руку жалко и родителей. Да, это шрамы не от встречи с хулиганами, как я тебе говорил...

Решетников выдержал паузу.

– Ты реально ее любишь? Уверен?

Он достал из кармана бумажку, положил на тумбочку.

– Вот ее адрес. Вперед. И чтобы мама ни о чем не знала.

Выходя, Решетников увидел, что Саша снова включил телевизор, на бумажку сын так и не взглянул.

Ольга стояла перед дверью в палату.

– Ну что? – кинулась она навстречу мужу.

– Тебе не надо идти к нему. Он больше не будет себя убивать.

– Обещал?

– Я тебе обещаю. Но сейчас ему надо побыть одному, потому что скоро его накроет лавина материнской опеки.

Вдруг Ольга приникла к Решетникову и крепко его обняла. Поколебавшись, он обнял жену в ответ.

Ночью они лежали обнявшись. Ольгу знобило, и Решетников укутал ее пледом.

– Неужели он настолько в тебя? – сказала жена, трогая шрамы на его руке.

Решетников попытался мягко отдернуть руку, но Ольга не отпустила.

– Это очень плохо, ты понимаешь?

– Не самый плохой вариант для человека. – Он все-таки выдернул руку.

– Извини, я... извини. Давай посмотрим фильм?

– Мой? Можно глянуть...

– Давай другое. Пожалуйста. Просто посидим вместе и посмотрим.

Они уснули под фильм «Огни большого города». Так и

спали, обнявшись.

* * *

Утром они поехали в больницу забирать сына. Когда они шли к машине, Саша, украдкой, чтобы не видела мать, вернул Решетникову записку с адресом Анны.

– Решил не идти? – спросил Петр.

Саша не отвечал.

– Могу дать ее новый номер телефона, – тихо сказал Решетников.

– Если она сама согласилась уйти, ради нее не стоит умирать. Мог бы это сказать, и я бы понял. В сценариях ты умеешь делать так, что твои персонажи говорят правильные слова в нужный момент. Но сам ты не умеешь подобрать парочку правильных слов.

Решетников поехал на съемочную площадку – встретиться со Ждановым.

– Канал утвердил Завадского, ему нравится твое предложение. Но возникла другая проблема: Завадский отказался, – сообщал продюсер.

– С чего? Что вы ему отсылали?

– Я только позвонил, рассказал про проект, кто пишет, кого планируем из актеров, и он отказался. Говорит, занятость.

Решетников произнес:

– Я слышал, что ему мое творчество... не импонирует.

Дошли слухи. Но актер хороший. – И, поразмыслив, добавил решительно: – Я решу вопрос с Завадским.

– Отлично, – ответил Жданов.

Отъехав от съемочной площадки, Решетников набрал жену.

– Как там Саша? – спросил он.

– Молчит, не хочет разговаривать.

– Оставь его на какое-то время в покое. Если он в меня, то скоро сам придет в себя. А сейчас его твоя опека только выбешивает.

– И что делать, просто наблюдать?

– Это идеально, – сказал он и добавил деловитым тоном: –

Оль, у меня дело к тебе. Ты же знаешь Завадского?

Он почувствовал, как напряглась жена.

– А в чем дело? – осторожно спросила она.

– Ну ты же про него фильм делаешь вроде, так? Ты его знаешь лично, да?

– Да. Конечно. Приходится общаться, – более уверенно сказала Ольга.

– Вы в нормальных отношениях?

– Что ты хочешь? – уже с раздражением спросила она.

– Я на Раскольникову хочу Завадского.

– Он же старше...

– Не суть, он очень нужен, он отлично подходит на тот образ, что я придумал. Ты не могла бы уговорить его сниматься?

Ольга молчала, и Решетников продолжал убеждать ее:

– Это очень крутой проект, действительно.

– Я понимаю.

– Уговоришь его? Пожалуйста.

– Попробую.

– Можешь сегодня?

– Сегодня?

– Мне бы быстрее, канал за, он что-то уперся. Договорись о личной встрече, я уже с ним сам поговорю, все расскажу, и он согласится. Пожалуйста.

– Да, мы должны сегодня встретиться на озвучании, но я думала переносить. Все-таки с Сашей...

– Я с ним посижу. Говорить не буду, просто буду рядом. Вообще сейчас будь как можно меньше дома, больше работай. Это самое лучшее.

– Хорошо.

– А вечером мы куда-нибудь махнем, все вместе. Я с ним поговорю об этом.

– Хорошо. – Ольга отключилась.

Решетников ехал домой, сменить на посту жену, когда ему позвонил Жданов.

– Я не знаю, как вам это удалось, но только что позвонил Завадский, сам, и сказал, что ему интересно участие в нашем проекте и через месяц он бы с радостью встретился с вами. Уже серия-другая будет написана, да?

– Раньше нельзя?

– Нет, он на съемках, там историческая картина, занятость серьезная.

– Ну что ж, потерпим, хотя надо бы пораньше.

– Подождем, главное, он согласился. Как вам это удалось?

Что вы сделали?

– Большое дело, когда твоя жена спит с нужным человеком, и вам рекомендую.

Жданов расхохотался.

* * *

Вечером они никуда не поехали. Ольга вернулась взвинченная и недовольная.

– Мы пойдем в театр? Я взял билеты, все вместе, – рискнул предложить Решетников.

– Какой тебе театр?

– Ну аквапарк? Или...

– Все, живем, как жили, – отрезала Ольга. – Каждый занимается своим делом. Я буду убирать квартиру.

– Согласен. Я приму ванну. Отличная семья.

Ольга на шутку не отреагировала.

Под звук пылесоса Решетников нежился в горячей ванне, время от времени отхлебывая из фляжки с виски. Его стала одолевать дремота, он снова оказался в зале казино и, по обыкновению последних дней, увидел сидящего за столом Достоевского.

– Где вы были? – спросил Петр.

– Думал о России. Вот почему у нас не народилось ни Месси, ни Рональду? А? Только Решетниковы.

– У нас есть... – запротестовал было Петр.

– Кто? Овечкин? Олимпийские игры по хоккею когда последний раз выигрывали? Футбола здесь не растет, это ясно, но хоккей... Стадионов понастроили, а играть не хотят. Никто не хочет играть. И ты тоже.

Решетникову стало как-то обидно за страну:

– Федор Михайлович, но что вы...

– Страна говноделов, – перебил его писатель и, пошатываясь, вышел из зала.

Глава 5

На следующий день, когда Решетников был на работе в агентстве, позвонила Красовская.

– Это правда, что Саша пытался покончить с собой?

– И вы хотите с ним встретиться? – вместо ответа спросил Решетников. – Мы же с вами договорились, что никаких контактов.

– Я должна с ним встретиться, все объяснить.

– Не надо ничего объяснять, он все понял. Я дал ему ваш адрес, после этого... случая. И знаете, что он сделал? Он вернул его мне со словами: «Если она сама согласилась уйти, ради нее не стоит умирать».

– Я встречу с ним. Я должна, и я сделаю. – Решетников услышал непреклонную решимость в ее голосе.

– Допустим. Только давайте сначала со мной поговорим, выстроим стратегию встречи. Это же правильно, довольно педагогично, так?

– Хорошо.

– Через полчаса я у вас.

Он собирался выезжать, как на «рабочий» позвонила жена.

– Мой муж знает, что я ему изменила, – сказала она.

– Подождите, с чего вы взяли?

– Я нашла у него в кабинете список постояльцев... В об-

щем, он знает с самого начала. Такое чувство.

– Приезжайте, поговорим.

– Я не могу приехать, не могу оставить сына, у нас тут серьезные проблемы, поэтому звоню. Как мне поступить? Я вообще не понимаю, кто теперь перед кем виноват. Все запуталось. Он говорил вам про меня с...

– Нет. Он просто хотел сделать алиби на один раз. Больше ко мне не обращался.

– Какая же я дрянь...

– Если он вам не рассказал, значит, он хочет разобраться, почему все произошло. Значит, он вас не винит и не хочет мстить. Видимо, он всю вину за вашу измену взял на себя. Он винит себя. У вас мудрый муж.

– Как же ему больно... – простонала Ольга и положила трубку.

Решетников сглотнул болезненный комок и откинулся в кресле. «Неужели сработало?» – думал он, тяжело дыша. Может быть, жена не захочет дальше мучить его?..

* * *

Не успел Решетников переступить через порог, как Красовская залепетала:

– Я должна с ним поговорить, он чувствует себя преданным, это понятно. Я объясню все.

– Разумеется. Можно пройти? Я бы выпил чаю. Съел бы

бутерброд, ну или вообще... поесть можно у вас?

– Суп есть, – ответила, несколько растерявшись, Анна.

Они прошли на кухню. Красовская достала из холодильника кастрюльку.

– Саша сейчас не ходит в школу, как я поняла?

– Да, дома. А откуда вы узнали о... случае, обо всем?

– Читаю странички его одноклассников. Я под фейковым аккаунтом.

– Мудро.

Красовская налила в тарелку суп, подогрела в микроволновке и поставила перед Решетниковым.

– Вы такой спокойный, даже веселый, вы понимаете, что произошло?

Решетников:

– Ложку можно?

Красовская повернулась к шкафчику. В этот момент Решетников быстро встал, приблизился к ней и поцеловал в губы, прижав одной рукой ее голову к себе, а другой сделав селфи на телефон.

Через секунду он отпустил опешившую Красовскую.

– Что это было? – Она смотрела на него округлившимися глазами.

Глаза Решетникова лукаво блестели.

– А где пощечина? Где... подождите, вы даже не вырывались...

– Я... не вырывалась...

– Господи, так вот в чем дело...

– В чем?

– Вы любите меня?

– Что вы придумали? Нет.

Решетников как ни в чем не бывало приступил к трапезе.

– Ну что же вы сразу не сказали, мы бы как-то решили ситуацию. Теперь ясно, что вы через сына хотели подобраться ко мне.

– Хватит ваших шуточек. Не ударила, потому что растерялась, уж этого я никак не ожидала...

Красовскую осенила догадка:

– Зачем вы это сделали? Хотите показать Саше?

– Да. И знаете, что будет?

Возмущенная Красовская молча смотрела на него.

– Тогда вам тем более стоит его побереечь и не говорить с ним. Я сделаю ему больно, лучше раз отболит, чем размазывать эту боль на несколько лет. Ну, мы договорились?

Красовская кивнула и отвернулась. Позвонила жена. Судя по голосу, она была чем-то взволнована.

– Петя, у меня ЧП.

– К сути, – коротко обронил Решетников, внутренне подбравшись.

– Мне позвонили, завтра сдавать на канал фильм надо, а у меня не готово интервью. Там большой кусок фильма. Ты можешь посидеть с Сашей? Мне надо ехать в Выборг с оператором, прямо сейчас, вечером надо возвращаться, монти-

ровать и утром сдавать. Там аврал какой-то.

Решетников вышел из кухни и сосредоточился, пытаясь сообразить, как лучше ответить.

– Ну что ты молчишь, ты с Сашей посидишь?

– Нет. Вообще не получается.

Голос жены посуровел:

– А что у тебя такого важного?

– Встреча с SONY, перенести невозможно, там американские продюсеры, серьезные дела, крупный проект, сама понимаешь.

Ольга помолчала, потом заговорила уже просяще:

– Петь, ну что мне делать?

Решетников:

– Я подумаю.

– Пожалуйста, это очень важно.

Решетников положил трубку и направился к выходу.

Прощаясь с Анной, он сказал очень серьезно:

– Саша справляется, ему тяжело, но это меньшее из зол, я ему действительно давал ваш адрес, и он мне действительно его вернул. Помогите ему быть сильным, волевым, не тревожьте его.

Не говоря ни слова, Анна опустила голову. Но Решетников успел заметить, что в ее глазах стоят слезы.

Открыв дверь, он снова обернулся и произнес в своей обычной полушутливой манере:

– Вы точно меня не любите? Подумайте об этом.

И, не дожидаясь ответа, вышел.

Из машины Решетников позвонил жене:

– Я придумал. Ты не должна быть в кадре?

– Нет.

– Отправь тогда вместо себя Петьку Зотова. Составь ему список вопросов, он и доснимет этот кусок. Как тебе такой вариант?

Послышался вздох:

– Видимо, это вариант. Единственный.

– Ну, успехов. Оль, я тебя люблю.

В ответ он услышал довольно кислое «спасибо».

* * *

Петя Зотов – оператор, снимавший с Ольгой фильм о Завадском, имел репутацию одного из самых любвеобильных парней в своем коллективе. Хотя внешности был самой неказистой – лысоват, худощав, вечно небрит, да и одевался небрежно.

Решетников, наслышанный о похождениях Зотова, затеял маленькую инсценировку. Когда Петька собирался срочно выезжать в Выборг, ему позвонили с неизвестного номера. Незнакомый женский голос спросил:

– Петя? Зотов?

– Допустим.

– Ты меня заразил, урод.

Зотов подскочил на стуле.

– Откуда такая информация? Давайте детали!

– Ты придурок? Или ты не знал, что у тебя там целый букет? За это в тюрьму можешь попасть.

Не на шутку перепуганный Зотов все еще пытался протестовать:

– А с чего это я? Может, это кто-то...

– А с того, что у меня год не было секса, год, и вот я связалась с тобой, на этой вечеринке. Срочно приезжай в клинику «Антей», на Сидоренко, двадцать шесть. Сделаем анализ, подтвердим, а потом уже будем думать, как я тебя уничтожу.

Пришлось бедняге Зотову вместо Выборга срочно катиться в клинику.

В фойе его ждала эффектная высокая блондинка. Зотов готов был поклясться, что раньше ее не видел.

– Что-то я тебя не узнаю...

– Мне прогнуться? Ты со спины меня видел, татуировку нахваливал. Я же блонда для тебя, и только.

Вконец растерянный Зотов покорно плелся за девушкой.

– И что, у тебя не было ни с кем больше?

– Представь себе. Ну ты и урод.

– Я... я сам в шоке!

Липовый экспресс-анализ занял не больше пятнадцати минут. Наконец врач, просмотрев распечатку, вынес вердикт:

– Результат отрицательный.

Не помня себя от счастья, Зотов расплылся в улыбке. Затем перевел недоуменный взгляд на блондинку. Та не выглядела особенно смущенной.

– Значит, это был не ты, перепутала. Слушай, не надо на меня так смотреть, выпила и перепутала. Бывает.

От облегчения Зотов не мог даже разозлиться на девушку. Наскоро попрощавшись, он поспешил покинуть страшное место.

В фойе Зотова окликнул поджидавший его Решетников:

– Зотов, привет, ты чего здесь?

Зотов, глупо улыбаясь, ответил:

– Я воскрес. Вот только что. Твою мать... думал, что... даже не знаю, что... Понимаешь? Еще минуту назад мертником был.

– И чего?

– Нет, обознались. Сейчас бы бухнуть.

– Ну давай, отметим второе рождение.

– Да нельзя, надо ехать.

– Куда?

– В Выборг, твоя попросила кое-что поднять. У вас там с сыном проблема, не может.

– Да. Кстати, я тоже в Выборг, можем вместе, заодно и отметишь второе рождение. Такое потрясение без внимания оставлять нельзя.

– Ага. Давай. Я мерзавчик возьму.

Купив в ближайшем магазине бутылку коньяка, они сели

в машину Решетникова.

– До места высадки придешь в норму.

– Я тоже так думаю, – согласился Зотов и с жадностью приложился к бутылке.

Путь до Выборга был неблизкий. Зотов осушил «мерзавчик», но стресс никак не отпускал. Решетников, покопавшись в бардачке, вынул полулитровую бутылку армянского коньяка.

– Вот, из неприкосновенных запасов. Пей, я прикрою, если что.

Зотов колебался.

– Работать надо... Как накроет в самый ответственный момент. Но и пережитое осмыслить надо... Дилемма во всей красе!

Решетников молчал, наперед зная, чем завершатся эти метания.

– Ты сам как с камерой? – спросил Зотов.

– Знаком.

– Там кнопку нажать надо, фокус автоматом выставится. И снимаешь.

– Ты что задумал?

– Вот тут вопросы, простые: как вы выбираете роль, ваша любимая книга, какие фильмы вам нравятся, примитив. Ты задашь их Завадскому, а?

Решетников повернулся к Зотову и спросил, улыбаясь:

– Доверяешь мне?

– Мне добавить надо, – смиренно вздохнул Зотов. – Я же алкоголик в принципе. Остановиться не могу. Выручишь?

– Не знаю, – изобразил сомнение Решетников.

– Поможешь. Ты хороший. Оля говорила, что ты хороший и замечательный. Так что...

Зотов положил листок с вопросами на панель и принялся опустошать вторую бутылку.

Когда они добрались до места, Зотов уже мирно сопел и явно не собирался просыпаться. Решетников положил листок с вопросами в карман, взял камеру со штативом и вошел в гостиницу.

Завадский открыл дверь гостиничного номера. Он был в халате, с растрепанными волосами.

– Это оператор, – сообщил Решетников, старательно прикрывая лицо аппаратурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.